

СЕРИЯ «БОСИКОМ ПО ЛУЖАМ»
НАТАЛЬЯ АВЕРКИЕВА

ГОРОД ПАХНЕТ ТОБОЮ..

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

КНИГА 3

Босиком по лужам

Наталья Аверкиева

Город пахнет тобою...

«Автор»

2009

Аверкиева Н.

Город пахнет тобою... / Н. Аверкиева — «Автор»,
2009 — (Босиком по лужам)

Однажды ты без предупреждения возвращаешься домой и узнаешь о себе и своих отношениях много нового. И вот твоя светлая и счастливая жизнь рушится на глазах, и больше никто не способен удержать тебя в этой тесной квартире, наполненной чернотой предательства. Бежать! Бежать на край земли! От него! От себя... Остаться в чужой стране без денег и документов, без крыши над головой, без друзей и поддержки. Бежать, куда угодно. Бежать и не оглядываться. Содержит нецензурную брань.

© Аверкиева Н., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Город пахнет тобою...	6
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	33
Глава 5	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Наталья Аверкиева

Город пахнет тобою...

Серия «Босиком по лужам»

Книга 1. Босиком по лужам

Книга 2. В тени твоих ресниц

Книга 3. Город пахнет тобою...

Книга 4. Разреши себя любить

Shutterstock (с) изображение на обложке лицензионное, с разрешением на коммерческое использование

Город пахнет тобою...

В городе пахнет только тобою.
Низ живота наполняет любовью.
Море улыбок и море желаний,
Времени нет и нет расстояний.
Воздух вокруг ни на что не похожий,
Нет ни машин, ни случайных прохожих,
Есть только ты и я.
Когда ты плачешь,
Помоги мне, я не знаю, что мне делать.
Может в птицу превратиться и улететь.
Когда ты плачешь,
Помоги мне, помоги мне, помоги мне
В городе пахнет только тобою.
Низ живота наполняет любовью.
Там, где я был, или там, где я буду,
Я никогда о тебе не забуду.
Это любовь или мне это снится,
Солнце встает и обратно садится
В наших с тобой глазах.
В городе пахнет только тобою.
Низ живота наполняет любовью.
Есть только ты и я.

Токио. (с) Помоги мне

Глава 1

– Мадемуазель?

– Отель Парк Хаятт на Рю де ла Пэ, пожалуйста. – Я пристегнулась и устало вытянула ноги, проклиная неудобные туфли и высокие каблуки.

Шофер ответил что-то особо витиеватое, но я не поняла ни слова, лишь улыбнулась и уставилась в окно невидящим взглядом, мечтая забиться куда-нибудь под сиденье и проспать пару вечностей, чтобы никто не трогал. Голова не думает вообще. Отключается от чужой речи. Мозг просто перестал быть декодером. Хотелось побиться головой о стекло, чтобы стряхнуть с себя эту липкую, обволакивающую сознание усталость. Кошмарно...

Когда я договаривалась в родном издательском доме о новом графике работы, вместо изначально планируемого мною увольнения вообще, то и не предполагала, что будет настолько тяжело физически. Иногда организм отказывается принимать во внимание новые правила игры и глушит уставшее сознание какими-то одному ему известными способами. Я просто отключаюсь, как отключается телефон, у которого разряжается батарейка. Вот уже полгода я мотаюсь между Европой и Москвой как минимум раз в месяц, приезжая в Москву на день-два, максимум три, затем лечу обратно в какой-нибудь незнакомый город, куда в очередной раз контракт закинул мое чудовище. От слова «чудо» между прочим! Причем Европа – стала каким-то абстрактным нечто в моем сознании, одинаковая во всем, отличающаяся лишь языками. Несколько раз было, что я терялась, в какой стране нахожусь, удивлялась, когда с кем-то пыталась поговорить на французском, а потом оказывалось, что это испанский. Я стала сильнее любить славян, потому что их языки немного похожат на русский, и мой мозг не занимался переводами и дешифровками, радостно улавливая знакомые слова и выражения. Я безумно устала от этих бесконечных переездов, фальшивых улыбок, потных лиц фанатов и пренебрежения к себе некоторых товарищей из теперь уже нашей команды. Если бы не Тиль, я бы давно сдалась, призналась, что слабая, что устала и хочу домой, можно к маме. Хотя нет, в Канаду не хочу. Хочу в свою уютную двухкомнатную квартиру на Кутузовском проспекте в высотке с башенками, издалека похожую на замок. Да, я живу в замке. С башенками. Под самым небом. Как настоящая принцесса. И из окна видно всё-всё-всё мое королевство, самое красивое и большое королевство в Европе, рядом с которым блекнут и Париж, и Рим, и Берлин с Гамбургом вместе взятые. Только вот принц у меня оказался бродячим. Все время в дороге. И я теперь все время в дороге, рядом с ним – не бросать же принца одного, еще найдет себе другую принцессу, поговорчивее, посимпатичнее, не такую наглую и ненормальную. Мой принц видный. Самый красивый, самый нежный, самый лучший, самый настоящий принц. Другого такого нет. Вернее, есть, точная копия. Но он – друг, самый лучший друг на свете, самый заботливый, самый мужественный, самый терпеливый. Я за ним, как за каменной стеной. И, наверное, если бы у меня не было принца, я бы обязательно вышла замуж за его брата. Мы бы родили двух принцесс, наряжали их в пышные платья, а любимый папа играл бы с ними в лошадку и подарил бы каждой пони.... Это не я придумала, это он мне как-то рассказал.

– Мадемуазель? – легко дотронулся до моей руки шофер, привлекая внимание к тому, что мы уже приехали.

Я вынырнула из своего бреда. Кажется, мне пора к доктору с такими мыслями. Крыша тихо покидает насиженное место и собирается в теплые края... Я достала из бумажника несколько купюр и, не глядя, сунула их водителю. Боже, эдак от усталости я скончаюсь раньше времени. Надо больше спать.

– Простите, – растянула губы. – Хорошей дороги.

Мою сумку подхватил носильщик. Я растерянно огляделась – у входа в отель стояли размалеванные девочки, десятка два. Холодно же еще ночевать на улице, дурехи... По толпе волной пронеслось мое имя. Дьявол, сейчас начнется. Надо было позвонить Карелу и попросить встретить у машины... Я заставила себя улыбнуться, тряхнула головой, скидывая с лица волосы. Меня фотографировали, в спину неслись какие-то ругательства на плохом русском. Девочки явно поднатаскались в русском мате, но неправильно его употребляют, глупышки. Эх, я бы вам показала, как им правильно пользоваться, если бы было можно. Из толпы вывалилась какое-то чудище и истерично заорало мне в лицо:

– Грязная сука!!!

Я вздрогнула от неожиданности, но быстро взяла себя в руки. Ее тут же отпихнул консьерж. Пришлось нацепить на лицо самую презрительную усмешку, глянула на ненормальную и гордо продефилировала к распахнутым дверям. Хотелось показать им всем средний палец, послать по-нашему, по-русски, красиво и с эпитетами. Но нельзя. Никакой агрессии к фанатам. Потом мои факи облетят весь мир, и всё фанатье будет визжать, какая я тварь, а мне еще и Фехнер по голове настучит – мы любим своих фанатов, даже если иногда они напоминают буйных психов в период обострения. Впрочем, фанатам и не надо показывать никаких фактов, они без повода визжат обо мне с завидной регулярностью. Тиль категорически запретил мне заходить на фанатские сайты – не хочет, чтобы я расстраивалась. Я ухмыльнулась. Ах, девочки, если бы вы знали, к кому через пару минут ваш кумир будет сонно лезть целоваться, кого будет гладить по волосам и щекотать ухо смешным «Машенька», вы бы не дали мне пройти эти десять шагов до двери в отель, размазали по начищенному мрамору. По телу пронеслась теплая волна возбуждения. Как же я по нему соскучилась.

– Мадемуазель, извините, – суетился вокруг консьерж. – Это фанатки, сами не знают, что творят. Они даже меня ревнуют к своим кумирам, – хохотнул наигранно. Станиславский бы сказал: «Не верю!»

Я кивнула. Еще немного и грохнусь в обморок посреди холла. Ноги опухли. Новые туфли безумно жмут. Я вообще не могу идти. Разуться что ли? Мое появление в окружении группы полгода назад вызвало такую волну негодования среди фанатов, к какой я была не готова даже в самых ужасных своих прогнозах. Мы с ребятами четко обговорили, что наши отношения с Тилем – тайна за семью печатями, они нигде и ни при каких условиях не афишируются. Мария Ефремова – переводчик. Точка. Я сама по себе для всех. Просто работник. Переводчик-синхронист. О наших отношениях знали только несколько человек из охраны, которых Тиль просил присматривать за мной, по сути назначив их моими телохранителями. Для меня всегда снимался отдельный номер, из которого я потом тихо выскальзывала среди ночи, и, стараясь не шуметь, шла к Тилю, или куда он тайно пробирался, чтобы заснуть рядом со мной, уткнувшись носом в волосы, прежде поцеловав в уголок губ. За эти полгода мы ни разу не прокололись. Днем на людях я то и дело играючи цапаюсь с Тилем, отчего непосвященным кажется, что мы ненавидим друг друга, демонстративно игнорируем, недовольно разбегаемся по разным углам. Но как только выпадает свободная секунда, как только мы остаемся одни, то тут же лезем друг к другу целоваться, ласкаться, обниматься. Тиль использует любую возможность, чтобы коснуться меня, посмотреть, подразнить. Мы понимаем друг друга с полувзгляда. Иногда он говорит, что я для него словно Дэн – одного взгляда достаточно, чтобы понять мысли и предугадать желания. Сам Дэн, впрочем, кажется, тоже понимает все наши взгляды и желания. Он прикрывает понимающую улыбку рукой, строит смешные рожи, закатывает глаза, типа я всё вижу. И охраняет наши отношения, принимает удары на себя. Днем я всегда держусь ближе к Дэну. Мне так спокойнее и надежнее. Он оберегает меня и опекает, защищает перед всеми. Больше нет того глупого самовлюбленного самца, способного уложить в постель одним движением брови, есть мужчина, который многое берет на себя, ограждает от всех, хранит. Хаген тоже постоянно трется рядом, отвлекает слишком пристальное внимание

от меня и Тиль на себя, купирует неудобные вопросы, переключает на другую тему. Вечерами мы с ним любим поболтать, пофилософствовать. Я в силу специфичной профессии журналиста, люблю послушать и пораспрашивать. Я знаю о нем такое, чего не знают самые близкие друзья. Мы шушукаемся, сидя в гостинной турбаса или фойе гостиниц, что-то тихо обсуждаем и строим планы, как удрать из-под бдительного ока охраны и посмотреть очередной европейский город (Тиль не любит гулять, он любит развлекаться). С Клаусом же все наоборот. С Клаусом я болтаю так, что, кажется, на языке появятся мозоли. Он слушает, задает вопросы, иногда что-то записывает в своем дневнике и делает умное лицо. Ему нравится слушать о путешествиях, особенностях разных стран, спорить до хрипоты, искать что-то в Интернете, чтобы доказать «этой русской выскочке», что она балда. Самое смешное, слово «балда» Клаус произносит с таким очаровательным акцентом, как будто это нечто огромное, мягкое и пушистое, в которое хочется зарыться носом и вдыхать аромат ванили. Я заливисто хохочу, Клаус смеется надо мной, а Тиль бросает на нас ревнивые взгляды, а потом мягкой кошачьей походкой охотящегося ягуара подходит и садится рядом (а нечего хихикать без него!). И тогда я прижимаюсь к нему, трусь щекой о подбородок, а он целует меня в макушку и крепко сжимает руку. Фанатки и не догадываются, что все их вопли о том, что я не простой переводчик и сплю с Тилем, что Детка безумно в меня влюблен – правда до последней буквы. Они не знают одного – от огласки наших отношений его удерживает только беспокойство за мою жизнь. Но справедливости ради надо отметить, фанатки «укладывают» меня в постель ко всем, включая Дэвида... Дэвид по этому поводу жутко злится, ругается, иногда приобнимает меня за плечи и, хитро прищурившись, спрашивает, не хочу ли я попробовать. Тиль из-за этого впадает в бешенство. Но я делаю очень большие глаза, наивно хлопаю длинными ресницами, обиженно выпячиваю нижнюю губу и тоном оскорбленной девственницы произношу: «Герр Фехнер, как можно, у меня контракт, в котором написано, что за половые отношения внутри коллектива вы меня уволите? Герр Фехнер, я не хочу, чтобы вы меня увольняли! Потерять такую работу – лучше сразу убейте!» Герр Фехнер довольно смеется, чмокает меня в щеку и отпускает. Группа тоже смеется. Громче всех обычно ржет злой Тиль. Потом кидает в мою сторону какую-нибудь гадкую шутку, получает не менее гадкий ответ и на несколько минут вроде бы успокаивается. А когда его никто не видит, он показывает мне взглядом на дверь. Тиль – собственник, он не может допустить, чтобы хоть кто-то касался меня и тем более делал такие предложения. Ему надо немедленно доказать, что он лучший, зацеловать, заласкать, чтобы и мыслей променять его на другого в моей голове не возникало. Но против Дэвида он ничего не может сделать. Только громко раздраженно ржать. И кидать на продюсера испепеляющие взгляды. Для всех Мари Ефремова – переводчик-синхронист. Свободная и независимая. Только так. Точка.

– Мари, – поднялся из кресла Карел, телохранитель Дэнни, заулыбался. Замер, сладко потянувшись. – Наконец-то... Я чуть не заснул.

– Да самолет... – устало махнула рукой. – В Москве гроза, вылет отложили. Как у вас тут? Как концерт?

– Все отлично. Тиль немного капризничает. Не нравится мне все это.

– Почему? Что-то случилось? – Лифт мягко тронулся и плавно понес нас на четвертый этаж.

– Он так себя ведет, когда заболевает. Ему сразу всё не так становится. Я все его прищипки знаю. Если младший Шенк ни черта не ест, вялый и капризный, значит, пора вызывать доктора.

– А сам он что говорит?

– Ничего он не говорит. – Карел указал пальцем на дверь: – В этом номере Дэн, там в конце коридора Клаус и Хаген, первая дверь за поворотом слева – Тиль. Твой номер в другом крыле.

Я покрутила головой – в коридоре никого. В другое крыло я не дойду физически, если только Карел не согласится отнести меня туда на руках. Но тогда мы с Тилем увидимся только завтра. Охранник понял меня сразу же. Отпустил носильщика. Дальше мы шли вдвоем.

Карел вставил магнитный ключ в щель, открывая дверь номера Тиля. Я забрала у него сумку.

– Мы выезжаем послезавтра в семь утра. Завтра свободный день. Во сколько вас разбудить?

– А во сколько Тиль разрешил его будить?

– Он просил его не кантовать и при пожаре выносить первым.

Я улыбнулась.

– Посмотрю, как и что, а там позвоню тебе на мобильный, хорошо?

– Спасибо, Карел. – Я с благодарностью посмотрела на него.

– Отдыхайте. – Он повесил табличку на ручку, чтобы не беспокоили.

Первый делом, я сняла туфли. Надо же было так неудачно выбрать обувь... Ноги сейчас отвалятся. Номер был небольшим, судя по пробивающимся из окон полоскам света. Оставив вещи в темной прихожей, я на ощупь прошла вглубь. Источник света тут явно есть, но такой слабый, что ничего не видно вообще. Наткнулась на невысокие кресла с круглыми спинками, добралась до слабо освещенной постели, на краю которой в позе эмбриона сжался Тиль. Это было вдвойне странно хотя бы еще потому, что он за все время нашего совместного проживания никогда не позволял себе лечь спать, не дождавшись меня. Так устал за сегодня?

– Тиль, – опустилась перед ним на колени, осторожно пальцем убирая волосы с его лба. Не спит – дыхание выдает. – Устал? Совсем тебя вымотали? – Губы коснулись горячей щеки.

Он сжал мои пальцы, поднес их к губам.

– Что с тобой? – Я опять его поцеловала, но в этот раз задержала губы на коже. Горячая... Дотронулась до лба. Горячий. Руки – холодные. – Слушай, да у тебя температура!

– Только не говори никому, – хрипло ответил он.

– Что-нибудь болит? – нахмурилась я.

– Горло. Мне кажется, я простыл. Сходи к Дэну, у него есть необходимое лекарство. Он знает. Скажи, что у меня горло болит. Он даст.

– Может врача?

– Дэн. У него все есть для таких случаев.

Я никуда не пошла, просто набрала номер Дэна. И через две минуты он разгневанной гадюкой шипел на брата, что тот безмозглый урод. Оказывается, два дня назад Тиль съел все мороженное, что у них было в турбасе. Ему, видите ли, было жарко. Теперь ему тоже было жарко. Но совсем по другому поводу.

– Как съездила? – спросил Дэн, когда необходимые микстуры были выпиты, вонючие мази намазаны, а тонкие шеи укутаны в шерстяные платки.

– Ужасно, – честно призналась я. – Устала...

– У нас тоже был чертё что, а не концерт. Тиль чуть не свалился с лестницы, вывихнул руку, две песни переврал... Дэвид орал полвечера... Присмотришь за ним, ладно? Я на ногах не держусь... – Дэн мягко прижал меня к себе и провел рукой по спине. – Утром дай ему таблетки, которые я на столе оставил, и столовую ложку микстуры. Это хорошо сбивает простуду. Мы уже пробовали. Спокойной ночи. Рад, что ты вернулась. Всего пять дней прошло, а как будто целая вечность.

– Я тоже по тебе скучала, – улыбнулась в ответ.

Но ни утром, ни к обеду, Тилю легче не стало. Он плохо спал ночью, днем старался не говорить, шумно глотал и имел самый разнесчастный вид. Я отпаивала его чаем и медом, который натарила в ресторане. Тиль вяло капризничал. Дэн старался шутить, но плохое настроение брата передалось и ему. Он на чем свет ругал их близнецовую связь, утверждая, что вот

и у него теперь всё болит, нервно расхаживал по номеру и заламывал руки, причитая, что с таким горлом Тиль петь не сможет. А горло, надо сказать, было не просто красным, оно было малиновым, даже я понимала, что это очень плохо. И температура то и дело поднималась почти до тридцати девяти. Тиль сидел на кровати мокрый, нахохлившийся, словно маленький воробушек.

– Ну чего ты истеришь? – прошептал парень, глядя на метания брата. – Концерт только послезавтра, вылечимся. В прошлый раз помогло и в этот поможет.

– В прошлый раз у тебя не было такой температуры! Это явно ангина! – всплеснул Дэн руками. Сейчас он был в шортах по размеру и майке без рукавов. Дреды небрежно перетянуты парой дредин с висков. Я видела его всяким, и в одних трусах в том числе, но сейчас он был особенно красив. Эх, его фанаты померли бы от счастья, увидев Дэна настоящим и без дурацких балахонов, под которыми скрывается прекрасное тело.

– Мальчики, надо звать врача и не заниматься самолечением, – с трудом оторвалась от разглядывания его загорелых рук. – Тиль, Дэн прав, это ангина...

– Это ларингит. Мне больно глотать, голос пропал. Ларингит. Я знаю...

Я выразительно посмотрела на Дэна, всем своим видом показывая, что здесь явно нужен врач, мы бессильны. Он кивнул, вздохнул и вышел из номера.

– Ну и зачем ты его послала за врачом? – свернулся калачиком Тиль, натягивая на себя одеяло.

– Откуда ты знаешь? – поправила я ему подушку.

– Мы же близнецы. А все близнецы телепаты.

– Пока что я вижу тут психопатов, а не телепатов, – фыркнула с улыбкой. Села рядом и мягко дотронулась до его губ.

Тиль закрыл глаза, целиком отдавшись поцелую. Рука скользнула под юбку, прошла по обнаженному бедру, забралась под тонкую резинку стрингов. Низ живота тут же наполнился теплотой.

– Послушай, эта песня про нас. – Я тихо начала напевать по-немецки привязавшийся мотивчик русской песни, переводя ее на ходу и радуясь незамысловатости текста:

– В городе пахнет только тобою.

Низ живота наполняет любовью.

Море улыбок и море желаний,

Времени нет и нет расстояний.

Воздух вокруг ни на что не похожий,

Нет ни машин не случайных прохожих.

Есть только ты и я.

Там, где я был, или там, где я буду,

Я никогда о тебе не забуду.

Это любовь или мне это снится.

Солнце встает и обратно садится

В наших с тобой глазах.

– Про нас, – прошептал Тиль, ловя мои губы своими. Он мягко их ласкал, кончиком языка касаясь моего языка, скользил по зубам, по губам. Нежно. Аккуратно. Тиль был горьким на вкус из-за выпитой недавно таблетки – он зачем-то ее разжевал, прежде чем проглотить, потом долго отмывал язык, что мало помогло. Я гладила его по впалому животу, не опускаясь ниже на трусы. Он легко возбуждался, а сейчас придет Дэн с врачом и стояк нам совсем ни к чему.

– Я так по тебе соскучился, – пожаловался Тиль, утыкаясь носом в мою ладонь, целуя запястье.

Меня волной накрыла бесконечная нежность. Я быстро пропустила длинные волосы сквозь пальцы и возбужденно выдохнула ему в губы, всасывая их и так же резко отпуская.

– Люблю тебя безумно.

– А я еще и хочу тебя, – ответил он с улыбкой. Многозначительно покосился вниз.

– Потом. Сейчас тебя полечим, а потом...

– Тук-тук! – раздался из коридора звонкий голос Хагена. – Внимание, мы заходим. Считаю до трех. Два уже было.

Я резко одернула юбку и села так, чтобы не светить бельем. Тиль подполз ко мне ближе и положил голову на колени.

– Можно? – вежливо поинтересовался Клаус.

– Заходите, – хихикнула я.

– А то мало ли чем вы тут занимаетесь, – игриво сверкал глазами Хаген.

Ребята пожали руку Тилю, чмокнули в щеку меня.

– Дэн искал Мартина. Заболел? Горло? – спросил Клаус, возвращаясь к перегородке, отделяющей прихожую от спальни.

Тиль расстроено кивнул.

– Надеюсь, ничего серьезного, – покачал головой Хаген. – Скажи ему, что это у тебя от стресса на вчерашние вопли Фехнера. А то нашел на ком зло сорвать.

– А что случилось? – я автоматически перебирала прядки, где-то в самой глубине сознания отмечая, что темно-русые волосы отросли и уже видны светлые корни.

– Звук вчера был плохой, Тиль фальшивил все время, горло драл. Только к концу кое-как наладили, эхо постоянно было. А Фехнер наехал на Тиля, словно это он виноват.

– Ну, он был где-то прав, – прошептал Тиль. – Хотя при нормальном звуке, я бы не сорвал голос. До конца еле дотянул.

– О, док! Приветствую! – донеслось из коридора. – Дейв, привет! Как дела?

– Это я у вас хочу узнать, как у нас дела?

Я резко сорвалась с места и плюхнулась на место Хагена, который тут же переместился на подлокотник. Сердце бешено застучало в ушах. Все-таки хорошо, что у нас такая дружная компания. Если бы не Клаус, все бы пропало. Фехнер на формальном собеседовании четко дал понять, что будет за нарушение контракта. И дело было даже не в этом чертовом контракте, мне бы не хотелось, чтобы окружающие знали о том, что я сплю с солистом – на работе не гадят. Тиль сделал вид, что лежать поперек кровати в неудобной позе и без подушки – его любимое развлечение. В номер вошли наш врач, продюсер, Дэн и Клаус.

– Ну и чего тут все собрались? – буркнул Дэвид. – О, фрау Ефремова соизволила осчастливить нас своим присутствием и сразу же в курсе всех дел.

– Я тоже соскучилась по вам, герр Фехнер, – ехидно улыбнулась я. – Без вашего ворчания мой день считается прожитым зря.

– Как же мне нравится, что хоть кому-то мое ворчание по душе, – заулыбался он, пожимая мою руку. – Что там у нас, Маркус?

– Ларингит, – оторвался от разглядывания глотки Тиля доктор Мартин.

– Послезавтра должен быть здоров, – строго глянул на него Фехнер.

– Исключено, – покачал головой Маркус.

– Это не мои проблемы. Тиль, ты помнишь о концерте? – Тиль вздохнул и опустил голову. – Ну вот, Маркус, Тиль помнит о концерте. В вашу задачу входит поставить его на ноги к послезавтра.

– Дэвид... – протянул врач.

– Я могу дать тебе телефон организаторов, – пожал Фехнер плечами, поворачиваясь к выходу. Сделав пару шагов, остановился и очаровательно посмотрел на меня: – Мари, пойдем выпьем кофе? Я угощаю.

Я открыла рот, чтобы отказаться или сослаться на важное дело, но Хаген опередил:

– Прости, Дэвид, но Мари обещала показать мне Париж. Ты же знаешь, я без ее французского заблужусь под Эйфелевой башней.

Я не сразу поняла, в чем шутка. Лишь изумленно захлопала ресницами, переводя взгляд с одного на другого. Какая приятная неожиданность!

– Вот так какой-то мальчишка увел у меня прекрасную девушку, – картинно всплеснул руками Дэвид.

– Вы еще подеритесь, – тихо огрызнулась я.

– Охрану возьмите, – великодушно отпустил нас Фехнер.

Я заметила вопросительный взгляд Тиля. Хаген самодовольно улыбнулся одним уголком губ, отчего на щеке выступила очаровательная ямочка.

– Ну, идем? – повернулся ко мне Хаген, взял за руку и потянул из кресла. – Сейчас я только кроссовки переодену и деньги возьму, – потащил прочь из номера.

В коридоре он отпустил мою руку, кивнув в сторону своего номера. Пропустил в комнату, закрыл за собой дверь.

– В общем, я гулять и по магазинам, – переобувался он из шлепок в кроссовки. – Посиди тут, все уйдут, вернешься к Тилу, а то Дэвид от тебя не отстанет.

– Чего это он?

– Не знаю. Но он вчера весь издергался, почему тебя все нет. Позавчера про тебя вспоминал.

– Может поговорить хочет?

– Я его всю жизнь знаю, рожь становится слишком лощеной, когда про тебя говорит.

– Скажешь тоже, – рассмеялась я, а у самой внутри все сжалось от недобрых предчувствий.

– Не надо его дразнить. Дэвид против всяких романов у нас, но себе никогда не откажет в удовольствии. Странно, что он так долго приглядывался к тебе. Мы думали, что он раньше начнет.

– Да ну тебя, – скривилась я. Блин, если бы они мне раньше об этом сказали... Вот ведь черти!

– В общем, постарайся, чтобы рядом с тобой всегда был кто-то из нас, хорошо? Что тебе купить в городе?

– Что-нибудь на свое усмотрение. Хочу, чтобы это был сюрприз.

– Ключ вот тут, – Хаген постучал ногтями по карточке. – Смотри телевизор, а я загляну потом к вам. Позвоню тебе на мобильный, не отключай его.

– Обещаю, папочка, – кокетливо склонила я голову на бок. – Спасибо, что предупредил.

Когда дверь за Хагеном захлопнулась, я прошла по номеру, ловко лавируя между раскрытыми чемоданами и разбросанными вещами. Кое-что собрала с пола и аккуратно развеси-ла по спинкам кресел. Расставила обувь в одном месте. Хаген не был неряхой, каким его вечно выставлял Дэн, он тщательно следил за собой, никогда не позволял выходить в люди в несвежей одежде, от него всегда приятно и вкусно пахло, и вообще он был очаровательнейшим парнем. Но Хаген страдал той же проблемой, с которой мучилась я, – если он что-то искал, то просто вываливал все из шкафов и чемоданов на пол, чтобы потом скромно запихнуть всю одежду комком обратно. Я размышляла и прикидывала по времени, закончил ли врач процедуры, оставил ли Тиль одного, можно ли уже идти. Еще и телефон забыла у него под подушкой, как назло. Через двадцать минут, я не выдержала. Набрала его номер. Трубку взяли быстро, но не было произнесено ни слова.

– Солнце, если у тебя кто-то есть, просто положи трубку. Если нет, открой мне дверь, чтобы я не стучала. – Вместо ответа, он чмокнул меня в трубку. Значит, ждет.

Потом мы валялись на кровати и болтали. Точнее говорила я, а Тиль лишь поднимал брови и улыбался, слушая, как я съездила в Москву, как записывала передачи, как отвечала на каверзные вопросы в ток-шоу, в лицах показывая ему то представление. Полина просила меня замолвить словечко о новых концертах в России, я замолвила, долг выполнила, но еще дома объяснила подруге, что в перспективе американский рынок и говорить о России можно ближе к осени, а не сейчас, весной. Тиль кивал, обещая, что обязательно приедет в Россию еще раз (раз уж я так его об этом прошу). Он целовал мои пальцы, прижимал ладони к щеке, закрывал глаза и наслаждался голосом. Он обнимал меня и просто лежал рядом, вдыхая аромат кожи. Проводил языком по шее, шумно выдыхал в ухо, посасывал мочку. Если бы он чувствовал себя хотя бы немного получше, то обязательно бы любил меня долго и страстно, ласкал без устали, вылизывал каждый сантиметр моей кожи. Но Тиль болел, жаловался на слабость и головокружение, его знобило, а вместо мозга была настоящая овсянка. Я осторожно гладила его кончиками пальцев по бокам, ласкала спину, массировала плечи и затылок, как он любит, шептала приятные глупости баюкающим голосом, вслушивалась в дыхание, которое становилось все глубже и спокойнее. Мой мальчик засыпал, прижавшись ко мне всем телом. Засыпал довольным и счастливым. И пусть весь мир катится к чертям, ничто не должно нарушать сна моего самого любимого принца.

Глава 2

Настроение мне испортили уже с утра. Доктор Мартин сделал все возможное, чтобы Тиль заговорил. И Тиль заговорил. Вчера вечером он немного хрипел, но в целом говорил, хотя распеться так и не смог. Маркус лечил его горло, пичкал таблетками и внушал Фехнеру, что Тиль петь не сможет, концерт надо отменять, а то и не один. Но ни Фехнер, ни тем более Тиль с компанией категорически не хотели ничего слышать об отменах. При этом Дэвид перевел все стрелки на ребят, со словами: «Ну вот, они же сами против». Такой безответственности я еще никогда в жизни не видела!

– Вы совсем с ума сошли?! – не выдержала я, вскакивая. – Как он будет петь, если утром и слова вымолвить не мог?

– Бабам слова не давали! – тут же осадил меня Тиль.

– Причем тут это? Ты говорить не можешь, тебе больно! Как ты собираешься петь?

– Бабам слова не давали, – раздраженно повторил он.

– Дэвид! Это безответственно! И ты это должен понимать лучше всех! Если он сорвет голос, то тур придется отменить. Лучше пожертвовать парой концертов, чем гробить...

– Мари, я могу дать тебе телефон организаторов, – невинным голосом завел Дейв старую песню.

– Давай! – разозлилась я, протягивая руку. – Давай, черт тебя дери! Я позвоню и договорюсь о переносе концертов на другое число! Или мы приедем в Монпелье и договоримся там...

– Господа, познакомьтесь, у нас новый тур-менеджер Мария Ефремова, – мерзко кривлялся Фехнер, развалившись в кресле и широко расставив ноги, перегородив узкий проход. Гинеколога на него нет! – А я подаю в отставку. Она все прекрасно знает и гораздо лучше будет справляться с моими обязанностями. Всё, я ухожу... – страдальчески закатил он глаза, изящно прикрыв их изогнутой кистью.

– Дэвид, из тебя дерьмовый актер, не позорься, – поморщилась я. – Тили надо пролечить, а не гасить симптомы. И Маркус правильно говорит, если он сейчас выйдет на сцену, это будет катастрофой для его убитого горла.

– Я же выступал с температурой под сорок, – скромно качнул ногой Дэн, оторвавшись на секунду от игры.

– Да, – кивнул Хаген, резко поведя рукам по воздуху, словно это поможет избежать столкновения виртуальных машин. – Ах, черт! – воскликнул недовольно, бросил джойстик на диван. Дэн победно хихикнул – все-таки выбил его с трассы. Они перезагрузили уровень. – Я тоже выходил на сцену больным. Мари, это часть жизни артиста. Публике плевать, как ты себя чувствуешь, живешь ли ты, или умираешь, для нее важно, чтобы шоу продолжалось! – снова уткнулся в монитор.

– Что вы сравниваете? – схватила я за голову. – Тебе пальцами струны дергать можно и без голоса. Я посмотрю, как ты их будешь дергать, если тебе пальцы сломать!

Хаген вздрогнул и посмотрел на меня осуждающе.

– Не дай бог, – буркнул Дэн, и мне показалось, что он сейчас перекрестится.

– Фрау Ефремова, по-моему, вы много на себя берете, – нахмурился Дэвид. Я уже знала, если он называет меня по фамилии, это не грозит мне ничем хорошим. Сейчас меня отсюда выгонят взащей.

– Извините, герр Фехнер, простое женское чутье. В России говорят: «Жадность фраера сгубила». Мне нечего к этому добавить. Разрешите откланяться.

Я развернулась и быстро покинула гостиную турбаса. Лучше пойду с водителем поболтаю, пока меня со злости не порвало в клочки от невероятной тупизны этих идиотских немец-

ких мужчин. Что же я все никак не привыкну, а? Куда я вечно лезу? Вообще наши отношения с Фехнером выглядели по меньшей мере забавно. Все всегда ходили перед душкой Дейви на цыпочках, ловили каждое слово и тут же кидались исполнять поручения. Лишь ребята общались с ним на равных, как с хорошим другом и учителем, и только я позволяла себе наглость не просто спорить, но даже кричать на него, если считала, что он не прав. Ничего не могу с собой поделать. Не воспринимаю его как начальника. Фехнера такое положение вещей тоже явно веселило. Он заводился, как мальчишка-подросток, и начинал со мной пререкаться (ну любит Дэвид поговорить, как и я), хотя всегда мог заткнуть парой слов, лишь скромно напомнив о субординации. Но и тут мое упрямство пыталось оставить последнее слово за собой. Не получалось у меня по-другому! Всегда высказывала свое дурацкое мнение, и чтобы в бровь попало, и по глазу стараясь не промахнуться, и вообще, чтобы по всему лицу размазалось! А Дэвиду нравилось, по роже лощеной видела, что нравится.

Минут через пятнадцать телефон ожил и завибрировал. Я открыла пришедшую от Тиля смску. В ней было всего одно слово: «Скучаю». Не удержалась от презрительного фырканья, ответила: «А мне весело». Наш водитель как раз рассказывал «смешную» историю, как в прошлый раз фанатки кинулись под колеса турбаса, не желая выпускать группу из «отстойника». Честно говоря, почему Питера веселил факт наезда на детей, пусть и ненормальных, я так и не поняла, но хихикать за компанию было приятнее, чем думать о том, как через несколько часов Тиль будет хрипеть на сцене. Дэвид – идиот, если позволит ему выйти к зрителям.

«А мне грустно :-(» – пришло почти сразу.

«Впиши в райдер клоуна» – Нашел мне духовой оркестр, думает, я ему тут сейчас цыганочку с выходом изображу. Бабам слова не давали!

«Я тебя впишу себе в райдер»

«Ты меня себе не можешь позволить. Кури бамбук, Детка :-Р» – получил, фашист, гранату? Главное, вслух его так не назвать. А то потом замучаешься доказывать, что это у нас такая детская дразнилка, а не мое желание смертельно оскорбить его нацию. Меня тут за глаза зовут крэйзи рашн. Кто-то любя, кто-то с презрением. Так и говорят: «Куда, мол, эта крэйзи рашн делась?» Я сначала обижалась и не могла понять, за что мне все это, почему? Вроде бы на рожон лезу исключительно по делу, обычно веду себя тихо, особо не выступаю, изредка прячусь за спиной Дэнни... А потом выяснилось, что назвать САМОГО Тиля Шенка тупоголовым ослом не за глаза, а при всех – это надо вообще не иметь головы на плечах. А скажите, как еще назвать Тиля Шенка, если его просишь не делать что-то, он все равно делает, получает по башке, и долго потом ноет, что я плохая, потому что не предупредила? Только тупоголовым ослом. Вот в прошлый раз видел же, что все с перепоя плохо выглядят, все разбиты, Дэн с вечера залупился на Хагена (удивлюсь, если помнит по какой причине), у Клауса болят суставы пальцев, ходит, мается, кремами-мазями руки мажет. Все в то утро были явно не в духе и совершенно не желали ни с кем общаться, расползлись по своим полкам-щелям, как тараканы. Так нет же, Тиль согласился на интервью с фотосессией, от которой группа категорически отказалась накануне. Закатил скандал, что он действовал от имени группы и не собирается теперь отдуваться, что он тут фронтмен, и, стало быть, ему принимать решения. Группа очень быстро и невежливо объяснила, куда Тилю пойти. Вместо того чтобы сменить тактику, фронтмен-крутышка разорался еще громче. В итоге ребята снова разругались, едва не сцепились, а мы потом с Дэвидом улаживали этот конфликт – он с журналистами, я с мальчишками. Иногда кажется, что я на самом деле живу в театре абсурда – меня окружают говорливые, по утрам узкоглазые, вспыльчивые люди, которые временами несут какой-то непонятный бред.

«Если ты сию минуту не придешь ко мне, то я...»

«Напугал ежа голой задницей» – самодовольно хихикнула я и нажала «Отправить».

Шеи и плеч что-то коснулось. Я обернулась. Тиль стоял сзади и шкодливо улыбался. В его кармане заиграла мелодия пришедшей смс. Он незаметно провел рукой мне по спине, несильно ущипнул за попу. За что тут же слегка получил локтем поддых. Вот и пообщались.

– Питер, когда остановка? – спросил он у водителя, как ни в чем не бывало.

– Укачало? Заправка через тридцать миль, но, если хочешь, остановимся здесь. Подышишь воздухом. Почти чистым.

– Ага, остановите, Питер. Давно у нас Клаус траву не грыз с яйцами бычьих цепней и тяжелыми металлами, – не удержалась я от ехидства, вспомнив, что Клаус большой любитель пожевать траву, растущую вдоль дороги. Вот хлебом его не корми, дай только сочную зеленую соломинку в рот засунуть.

– Меньше в обед съест, – ухмыльнулся Тиль. – Вон какой толстый.

– Да тебе дай волю, ты его вообще будешь кормить три раза...

– Он и так ест минимум три раза.

– ...в месяц.

– Может ему витаминов не хватает? Минералов там... Солей... Вот и тащит в рот всякую дрянь, – задумчиво протянул Тиль и мерзко хихикнул.

– Слышь, Шенк, – неожиданно подал голос любитель соленой травы с глистами из-за занавески, которая отгораживала гостевое кресло за водительским сидением от салона. Упс... Как неудобно получилось... Ни я, ни Тиль не заметили спрятавшегося от всех Клауса. – Мне, может быть, и не хватает металлов и минералов, а тебе зубы не жмут, нет?

– Так, молодежь, брысь отсюда в салон! – прикрикнул на нас Питер. – Вы меня от дороги отвлекаете. Остановка на заправке. Без бычьих цепней красивые.

Клаус задернул шторку и опять сделал вид, что его не существует. Тиль воровато огляделся, толкнул меня на стену и жадно всосал губы, забравшись руками под футболку. Притянул к себе плотно-плотно и сладко выдохнул, зажмурившись.

– Только до гостиницы доберемся... – причмокивал он между словами, лаская грудь. Я дернулась, чувствуя, как возбуждение волной несется от кончиков пальцев, делает колени мягкими, щекочет живот и теплыми лучами пронизывает тело. Казалось, что эти лучи вырвутся наружу и раскрасят мир желто-оранжевыми красками.

Но с гостиницей вышел полный облом. Мы приехали в Монпелье глубокой ночью, отмахав больше девятисот километров за день, вымотавшиеся, уставшие, голодные и злые. У Тиля опять поднялась температура, он был мрачен, глумлив и противен. Дэн мучился с животом и не отходил далеко от сортира, недобрыми словами вспоминая сэндвич, купленный на одной из заправок. Хаген последние несколько часов пытался научить меня играть на гитаре, пока Дэн ее не отобрал и не разорался, чтобы мы перестали мучить несчастный, ни в чем не повинный инструмент. Клаус все так же тихо-мирно читал, развалившись у себя на полке. Дэвид, услышав, как я мурлыкаю цоевскую «Восьмиклассницу» под мелодию, которую на ходу подбирал Хаген, привязался к Тиллю с идеей выгнать на сцену меня, если у того пропадет голос, типа нашли ему замену. Тиль злобно шипел, фыркал и огрызался. Уже в гостинице выяснилось, что группа с продюсером и охраной останавливаются здесь, а все остальные едут в другой отель – попроще и поближе к нашему завтрашнему месту работы. Меня посадили в другой автобус и помахали ручкой.

– Ну что ты орешь? – успокаивала я рычащего мне в ухо Тиля, в который раз нервно пересекая малюсенький номер, натываясь на стул и пиная свой чемодан. – Я в курсе, о чем ты мечтаешь последние два дня. Я сама об этом мечтаю, но если мой номер в другом отеле, то как ты завтра объяснишь Фехнеру, как я попала в твой номер или зачем ты пришел в этот отель?

– Я устал! Я не могу без тебя заснуть! Я хочу обнять тебя, поцеловать и спокойно вырубиться!

– Тиль, но это не такая уж большая трагедия, честное слово, если ты одну ночь поспишь без меня. Заодно выспишься.

– Я не хочу! Я и так без тебя спал целую неделю! Я не могу заснуть без тебя, ты моя персональная фея сна. Вот поцелую тебя на ночь и сразу же засыпаю.

Я почувствовала, как он топнул ногой и обиженно надул губы. А что я могу сделать? Не попрусь же я среди ночи одна по незнакомому городу не пойми куда? Могу, конечно, у меня ума хватит, но смысл? Я потом физически не доползу обратно. Да и Тиль элементарно жалко гонять – он очень устал и не высыпается. Хотя, если попрошу, он придет ради меня. Одно слово – и он через пятнадцать минут нарисует, я знаю. Очень хочется произнести его, попросить приехать, но не могу и не буду, пусть отдыхает.

– Ну, блин, иди к Дэну. Обними его, поцелуй и спите вместе, – без всякой задней мысли предложила я.

Ответом мне была тишина недоумения.

– Ты читаешь ЭТУ ДРЯНЬ? – из трубки засочился яд и полыхнуло пламенем.

– Какую дрянь? – не сообразила я. – Ты же любишь подчеркнуть, что я для тебя, как Дэн. Вот и пусть сегодня Дэн немного побудет мною.

И тут до меня дошло, о какой дряни он говорит. Я закатилась, от смеха выронив трубку.

– Вообще-то я сегодня хотел заняться сексом, – спокойно сообщил Тиль, когда я отсмеялась и вернулась к телефону, размазывая по щекам слезы.

Я представила себе реакцию Дэна и снова загоготала. Тиль обиделся и повесил трубку. Ну вот... И шуток он не понимает.

Концерт он смог дотянуть до конца. Чего это ему стоило – лучше не знать. Я с замиранием сердца стояла за кулисами и с ужасом вслушивалась, как он лагает на каждой песне, перекидывая часть текста на зал. Трудно представить, какое дерьмо завтра выльют на него мои французские коллеги. Фехнер сначала тоже слушал, потом засуетился, начал кому-то звонить. В гримерке Тиль возбужденно рассказывал, как несколько раз ему казалось, что всё – сейчас его кошмар станет реальностью. Голос осипший, словно он долгое время орал. Маркус лез к нему с какими-то препаратами. Я молча сидела у окна и нервно докуривала уже третью сигарету, размышляя, что в прошлом туре у него тоже были какие-то проблемы с голосом. Если тогда им удалось быстро восстановить Тиль, то и сейчас все будет хорошо. Доктор Мартин один из лучших специалистов, он вытянет его. Впереди еще девять концертов в рамках тура, а потом... Я не знаю, сколько потом... Когда Тиль впервые показал мне расписание, я довольно щелкнула языком и обозвала их халявщиками, сказала, что они слишком много отдыхают. Еще смеялась над их с Дэном вытянувшимися лицами. Тиль вкрадчиво пояснил, что черные квадратики – это дни выходные, а вот белые... Я чуть челюсть не разбила о пол. Помню, что первой мыслью было – он же связки в хлам убьет... И вот сейчас моя шальная мысль наглым образом материализуется. Да они на Маркуса молиться должны!

И вновь в наш дом на колесах и в путь. Сто двадцать километров до Марселя. Это пара часов, если без приключений. А потом спать. В турбасе полно народу. С нами едет охрана, другие менеджеры, все галдят. Дэн что-то объясняет человеку с камерой, размахивает руками. Хаген и Клаус ужинают. Тиль ругается с охраной, потому что опять на выходе из концертного зала их смяли. Просит как-то или усилить наши силы, или требовать металлических заграждений от организаторов. Я курю. Курю много. В голове крутятся слова Маркуса, брошенные в никуда за сценой во время концерта: «Хана связкам». Тиль говорит. Пока говорит. Пока связки разогреты, разработаны. Что будет завтра? Это назойливой мухой кружит над головой, жужжит, мешает сосредоточиться. Хана связкам... Это же приговор для него. Он же живет сценой. Он, как вампир, питается энергией зала. Он не сможет без зрителей. Он которое утро не может внятно произнести ни слова, только к обеду что-то начинает бормотать, к вечеру более-менее разговаривается. Надо уговорить его отменить концерты, хотя бы два следующих,

и восстановить голос, обследоваться нормально в клинике, проконсультироваться с врачами. Я постараюсь его уговорить... Пусть только нас оставят вдвоем, а уж я буду очень стараться...

Я соблюла все правила по уговариванию мужчин: он был сыт, вымыт, обласкан, умиротворен и собирался заняться сексом. Я нежно водила кончиками пальцев по плечам и груди, гладила шею, массировала кожу головы. Его губы были чуть тронуты улыбкой, а глаза прикрыты. Я нависла над ним, слегка касаясь животом и грудками обнаженного тела, медленно провела вверх, опустилась вниз, выгнулась кошкой, пощекотала грудь волосами, подразнила соски языком. Он обхватил меня за талию и притянул на себя, вынуждая лечь сверху. Мы долго и с упоением целовались, то страстно, стукаясь зубами, то лишь кончиками языков, едва касаясь губ. Его глаза светились любовью. Не важно, что он очень устал, что у него колоссальный стресс и проблемы со здоровьем, сейчас в его взгляде я читала ту самую любовь, которая родилась в нем почти год назад. Надо же... Почти год прошел, а сколько всего случилось. Он до сих пор гордится, что я бросила все ради него и прилетела на минуту в Париж на его концерт. Он до сих пор в лицах и на эмоциях рассказывает друзьям, как нас чуть не съели людоеды, как мы носились по горам и удирали на машине, а потом угнали самолет (по-моему ему никто, кроме Дэна, так и не верит). Он до сих пор боится, что однажды я не захочу остаться с ним, уйду, что не удержит, уведут. И я каждый раз, когда нам удастся побыть наедине, стараюсь всем своим существом доказать ему, что он – мой принц, ради которого я бросила свой замок с башенками, и другого мне не надо. Я расцеловываю каждый миллиметр такого обожаемого тела, наслаждаюсь каждым его жестом, поворотом головы, взмахом ресниц. Я живу в их тени. Таю от его прикосновений. Умираю с его уходом и рождаюсь вновь с его появлением. Он мое персональное солнце, мой источник воздуха. Он – моя жизнь.

– Тиль. – Я потерлась носом о подбородок и слегка укусила его. – Я переживаю за тебя. Доктор Маркус говорил с кем-то по телефону, он считает, что у тебя что-то серьезное со связками. Отмените пару концертов, пройди обследование.

– Нет, – неожиданно резко и агрессивно отстранился он от меня.

Я не отпускала его. Попыталась поцеловать, он не дался. Пристально посмотрел прямо в глаза, словно мысли отсканировал, и недовольно поджал губы.

– Послушай, я понимаю всё. Но голос дороже. Здоровье дороже. У тебя ужасный стресс, ты болеешь, организм ослаблен. Ему совсем немного надо, понимаешь? Чуть-чуть отдыха для восстановления.

– Я знал, на что шел и что подписывал, – раздраженно отвернулся он, выпутываясь из моих объятий. Достал сигареты, закурил.

– Доктор Мартин просил тебя хотя бы не курить, – скривилась я. – Тиль, пожалуйста, послушай его. Он ведь врач, он лучше знает...

– Нет! Я сказал нет! И не лезь в мои дела! – зло зарычал Тиль, вытаращив глаза.

– Тиль, я всего лишь не хочу, чтобы ты потерял голос. Нужен перерыв и лечение.

– И как ты себе это представляешь? Ты знаешь, какую неустойку мы заплатим? – он шумно выдохнул дым.

Я села на постели по-турецки и жестко произнесла:

– Неустойка от двух концертов будет в разы меньше неустойки от отмены тура. А если с твоим голосом что-то случится, то компания без раздумий выкинет тебя на улицу, как использованный презерватив. Ты уже решил, чем будешь заниматься, когда станешь немым?

Тиль слетел с кровати, словно неожиданно увидел на моем месте гадюку. Взбешенно взмахнул руками, пытаясь что-то возразить, но от гнева не смог произнести ни слова. Схватил в охапку одежду и выбежал из номера, громко хлопнув дверью. Я расстроено обвела резко опустевшую комнату взглядом. В груди неприятно холодило, сердце щемило.

– Зайку бросила хозяйка... – тихо пробормотала я и горько усмехнулась. Это уже не шутки. Он и вправду окрысился на меня. Но может быть, я действительно лезу не в свое дело?

Я ведь не знаю всех нюансов, он не рассказывает подробности контракта, может есть что-то, из-за чего он так рвется выступать, какие-то серьезные договорные обязательства с компанией, со спонсорами, со всеми. Но ведь он же останется без голоса... Ребята смогут выступать, а Тиль... Он же ничего больше не умеет... Я упала на подушку.

Хана связкам – звучало в голове голосом доктора Мартина. С непередаваемым сожалением, с жалостью...

Хана связкам – было написано на крыльях огромной упитанной бабочки с лицом доктора Мартина, которая всю ночь гонялась за мной и орала нечеловеческим голосом: «Хаааа-нааа свяааз-кааам!»

Хана связкам – разбудил меня утром птичий щебет из окна.

Ему сегодня нельзя выступать.

Глава 3

Завтракала я в одиночестве в баре с ноутом, который занял чуть ли не бОльшую половину крошечного стола, отчего круассаны пришлось уплотнить, а блюдо из-под кофе вообще переставить на другой стол.

«Если вы внимательно разглядываете одну живую бабочку, то у вас на примете есть какое-то конкретное несовершеннолетнее существо, с которым вам бы хотелось вступить в сексуальный контакт» – вычитала я умную мысль на сайте толкования снов. Да, есть кое-какое конкретное существо, с которым бы я на самом деле уже очень хотела наконец-то вступить в сексуальный контакт, а то при живом-то мужчине и голодная хожу – непорядок... Пугало несколько, что лицом моя бабочка была старая и явно не тянула на несовершеннолетнее существо... Я озадаченно почесала затылок и откусила кусок свежей булочки с ванильным кремом, стараясь не изгадить клавиатуру. На чем я остановилась? Несколько секунд тупо пялилась в монитор, пытаюсь поймать мысль собственного опуса, но как-то не пошло. Мониторингом и аналитикой с утра заниматься – себя не любить. Эх, надо себя заставлять... Я постаралась углубиться в анализ найденных данных, но на мое счастье тихо звякнул мессенджер и внизу весело замигало желтое письмо. Поинка пишет. Вот вечно меня все отвлекают от работы!

Кукла Наследника Тутти (11:12:03 14/03/2008)

Халоу, бэйба!

Язва (11:12:07 14/03/2008)

И тебя туда же))))))

Кукла Наследника Тутти (11:12:13 14/03/2008)

Как оно?

Язва (11:12:16 14/03/2008)

Ничего. Бегаёт.

Кукла Наследника Тутти (11:12:22 14/03/2008)

Все так же прекрасно?

Язва (11:12:25 14/03/2008)

Еще лучше! Ты как? Тебе эта старая гримза мои деньги отдала?

Кукла Наследника Тутти (11:13:03 14/03/2008)

По всякому. Звонила я с утра в твою шарашкину контору, денег они дадут на следующей неделе. Я договорилась.

Язва (11:13:09 14/03/2008)

Как на следующей? Они же вчера еще должны были все выдать! Поль, у меня ни копейки!

Кукла Наследника Тутти (11:13:38 14/03/2008)

Вот как тебе не стыдно, а? Вместо того, чтобы сказать: «Спасибо, Полина Викторовна, за беспокойство», ты на меня орешь.

Язва (11:13:45 14/03/2008)

Спасибо, Полина Викторовна, за беспокойство, но что за фигня?

Кукла Наследника Тутти (11:14:23 14/03/2008)

У них шеф уехал на похороны и не подписал бумаги для банка. Вся шарашка твоя сидит без денег, сказали на следующей неделе. Слушай, у тебя мужик миллионер, а ты из-за какой-то мелочи беспокоишься.

Язва (11:14:35 14/03/2008)

Фига себе мелочь! Два куска зеленыю... Ты ж знаешь, что я не хочу от него зависеть. И так меня содержит, одел, обул, квартиру снял.

Кукла Наследника Тутти (11:15:03 14/03/2008)

Ну, положим, содержит сейчас не он тебя, а ваши организаторы, вы даже денег не тратите, а тебе, авце глупой, надо отвыкать платить в ресторане за себя. Чем больше мужчина вкладывает в тебя денег, тем жальче ему потом с тобой расставаться. Учись, дурилка картонная, пока я жива! Не знаю, чего ты выделяешься – молодой, красивый, перспективный, богатый – мечта, а не мужик. Ты спросила про нас?

Язва (11:15:11 14/03/2008)

Да. Они будут планировать вас на осень. Я там еще пожужжу. Но как пойдет, сама понимаешь. Он тоже не все решает. Точнее, он мало, что решает.

Язва (11:15:19 14/03/2008)

О, блин, идет твой предмет обожания. Сейчас опять будет мозги канифолить. Давай, я попозже с тобой поболтаю.

Язва (11:15:23 14/03/2008)

Что ты в нем нашла?

Кукла Наследника Тутти (11:15:26 14/03/2008)

Ну я ж не такая педофилка, как ты))))

Язва (11:15:31 14/03/2008)

Гы!))))))) Лучше быть педофилкой, чем геронтофилкой.

Кукла Наследника Тутти (11:15:37 14/03/2008)

Кому что. И чтобы пенсионера моего тоже привезла. Я зрелых мужчин люблю. Их не надо учить, как с девушками обращаться.

Я хихикнула, закрывая окошко. Интернет – зло. Как после этого делать отчет? «Пенсионер» сел сбоку и одарил меня белозубой улыбкой. Свежий, подтянутый, гладко выбритый. Волосы тщательно взъерошены. Дэвид обладал удивительным даром располагать к себе людей. Всегда был мил и внимателен к фанаткам, особенно к маленьким девочкам, с ними он общался трогательно, по-отечески. Он был очень требователен к персоналу, но без деспотизма. И это правильно. В коллективе из семидесяти человек нужен порядок, все должно работать быстро и слаженно, от этого зависит очень многое. При этом он на многое закрывал глаза, многое разрешал (в рамках контракта, конечно же). С ребятами Дэвид был своим, старшим другом, товарищем, к которому можно обратиться за помощью в любое время суток. Зато я у него

была на каком-то особом счету. С одной стороны, он со мной всегда панибратствовал, с другой – периодически начинал гнобить так, что я старалась не попадаться ему на глаза. И самое поганое во всей этой истории – я никогда не знала, чего от него ожидать. Дэвид поднял руку, призывая к себе нашего прекрасного официанта. Юноша тут же материализовался, угодливо заглянул в глаза.

– Мокаччо с двойными сливками, пожалуйста, – попросил Дэвид. – Болтаешь с подружками?

– Нет, работаю. С коллегой переписывалась. – Я обратила внимание, как он зажато сидит. Не похоже, что день будет добрым. – Ты что-то хотел? У тебя вид серьезный.

– Даже кофе не дашь выпить? – ухмыльнулся он.

Ну точно! Вместо того чтобы расслабленно откинуться в кресле, наоборот поддался вперед, закрываясь. Что-то хочет. И судя по позе, сейчас будет выговаривать за какой-то косяк. Я быстро прокрутила в уме последние дни – не помню, чтобы косячила. Разве что тот разговор про отмену концертов. Но какой смысл сейчас о нем вспоминать? После драки как известно...

– Герр Фехнер, вижу по вашему взгляду, вы хотите мне о чем-то сообщить. Давайте, сразу перейдем к делу. Чего вокруг да около ходить, меня нервировать?

– Такая нервная? – словно издевался он. Губы растянуты в улыбке. Поза закрытая. Взгляд колющий, изучающий. – Может быть, я просто хотел узнать, нравится ли тебе с нами? Я все-таки, как твой непосредственный руководитель...

– Дэвид, – прервала я его, спокойно улыбаясь и закрывая ноутбук. – Я не первый день замужем. Что случилось? Говори прямо.

– Помнишь, я тебе в прошлый раз про контракт напомнил? – он взял с блюдечка мой круассан и принялся лениво его пережевывать. Пусть ест. Сытый мужчина – довольный мужчина.

Я заинтересованно склонила голову на бок. В сознании носились тысячи мыслей, я не понимала, какую тактику выбрать, не знала, какую маску нацепить. Сидела и внимательно на него смотрела с застывшей вежливой улыбкой. Он что-то знает про нас с Тилем? Кто рассказал? Кто-то из охраны?

– Понимаешь, ведь это все делается не зря, – медленно вещал он, неспешно работая челюстями, отчего мне захотелось дать ему пинка, чтобы говорил быстро и по делу. Ну что за манеры? – Ни что не должно отвлекать музыканта от работы. А ты... Ты... Как бы это так сказать, чтобы ты поняла?

– Короче? – не выдержала я.

– Ну, если короче, то я все знаю о ваших отношениях с Шенком. Что ты хочешь сказать в свое оправдание, чтобы я как-то мог защитить тебя перед своим руководством?

Стоп! Машка! Стоп! Спокойно! Быстро включай мозги. Он берет тебя на понт. Шенков двое. Сейчас важно не проколотся. Дэвид сам принимает решения насчет работников и ни перед кем не отчитывается – это я точно знаю, мальчишки насчет меня только с ним говорили, и именно он сказал свое последнее слово. Хотя Шенкам проще дать, чем отвязаться, этот факт так же многократно проверен мною на практике.

– Не понимаю, что именно ты хочешь от меня услышать, – держала я морду кирпичом. Наши так просто не сдаются! Мы вам Москву в сорок первом не отдали, и сейчас наши пароли и явки не сдадим.

– Я хочу услышать о твоих отношениях с Шенком, – мило лыбился Фехнер.

– Пф, Дэвид, – я дернула плечом и усмехнулась. Ну что же, играть так играть. – Ты все знаешь о наших отношениях. Даже вижу, что о некоторых нюансах ты осведомлен гораздо лучше меня. Мне нечего к этому добавить.

– Ты пойми, я бы не хотел, чтобы ты покинула команду, – опять принялся кружить вокруг меня, как мартовский кот, Фехнер. – Но контракт есть контракт.

– Я с контрактом прекрасно знакома, – подчеркнуто по-деловому и очень строго ответила я, занимая глубокую оборону. – Дэвид, ты прикрываешься туманными и мерзкими инсинуациями. Ты пытаешься чего-то добиться от меня или просто ищешь повод выгнать?

– Тихо, сбавь обороты, – махнул он вторым круассаном. Черт, сейчас этот урюк сожрет все мои булки! – Я не о том, – неожиданно соскочил с темы. – Просто ты категорически не ладишь с Тилем, вы постоянно ссоритесь, он тебя не выносит.

– Меня не надо выносить, я не ваза, – продолжала я деланно рычать. – Мы с ним не ссоримся, а спорим. И уж если на то пошло, то тогда ты обязан уволить всех, включая себя, потому что Тиль постоянно со всеми ссорится... Ну то есть спорит. В контракте ничего не сказано про то, что с Тилем спорить нельзя.

– Да, про то, что с Тилем спорить нельзя, там ничего не сказано. Но там сказано, что исключены «сексуальные отношения внутри коллектива».

Я постаралась, чтобы мои большие глаза наполнились оскорблением под самые ресницы. Гневно скривила губы, набирая в грудь побольше воздуха, чтобы полноценно разорваться на охальника на все кафе.

– Вот только не надо изображать из себя оскорбленную невинность, – тут же торопливо добавил он. – Все знают, что ты спишь с Дэном.

Вместо того чтобы развыступаться, я рассмеялась.

– Ты только Дэну об этом не говори. Он из-за этого с Тилем на прошлой неделе чуть не подрался, но Тиль – брат и лицо группы, его особо не тронешь, а насчет твоей неприкосновенности я совсем не уверена. Мы друзья, Дэвид. Просто друзья. Очень хорошие, близкие друзья.

– Это легко проверить, – буркнул Фехнер.

– Ты поведешь меня ко врачу, а ребятам раздашь баночки, чтобы узнать, кто из них меня имеет? Или будешь лазить в номерах под кроватями и собирать использованные презервативы? Если ты хочешь, чтобы я ушла, так и скажи. Не надо оскорблять моих друзей глупыми сплетнями.

– Я не хочу, чтобы ты уходила. – Он накрыл мою руку своей. Откинулся на спинку и посмотрел на меня каким-то совершенно другим взглядом. Черт! Он же прощупывал почву! И сейчас он знает, что мин нет. Я «раскололась» как последняя дура. – Я слышал, что у вас отношения с Дэном. Это очевидно. Он так заботится о тебе, оберегает, защищает. Но если вы просто друзья, то, мне кажется, что должен быть кто-то, кто бы смог позаботиться о тебе не только, как друг. – Его пальцы поглаживали мои.

– Дэвид, у меня контракт, – не слишком уверенно напомнила я.

– Контракт со мной.

– Да, но... В нем не прописаны наши с тобой отношения.

– Ты хочешь их прописать?

Я нервно одним глотком допила свой кофе. Повернулась к нему, широко распахнув глаза, взяла его руку и чуть потянула на себя, вынуждая сесть нормально.

– Дэйви, – произнесла вкрадчивым голосом, лаская ладонь. Потупилась, словно собираюсь сделать неприличное предложение. – Я мечтаю, выйти за тебя замуж. Ты – мужчина моей жизни. Мне очень нравится твой шикарный дом. Я бы хотела в нем жить. Я хочу ездить на дорогой машине и носить лучшие бриллианты. Я мечтаю купаться только в самом дорогом шампанском! Я всегда говорила маме, что ты будешь лучшим зятем на свете.

– Подожди, – занервничал он. Я же эротично закусила губу, кое-как сдерживая смех. – Я не делал тебе предложение!

Я немного опешила, потому что не ожидала, что он примет мои слова за чистую монету. Я ж явно издеваюсь, по-моему, это видно невооруженным глазом. Странно, что эта прожженная лиса и мастер интриг, сейчас дергается.

– Как не делал? – расстроено протянула я, погладив себя по щеке его рукой. – Ты разве не знал, что у русских девушек с этим очень строго? Только после свадьбы. Ты разве не хочешь на мне жениться? Ты решил оскорбить меня? Принять за одну из «Наташ»? – весьма правдоподобно начала гневаться я.

– Мари, ты не так поняла...

Он попытался забрать руку, но я сделала обиженный вид и сжала пальцы покрепче. Взгляд случайно упал на входную дверь – там стоял Тиль. Блин! Стоял и наблюдал. Твою ж мать... От неожиданности я резко откинула руку Дэвида. Он обернулся, чтобы увидеть, что меня так напугало, но Тиль уже скрылся. Сейчас Шенка переклинит, и он устроит мне жуткую сцену ревности.

– Извини, Дэйв, мне надо идти, – сказала я спокойно и без ломаний. – Приятно было поболтать. Ты в следующий раз, когда решишь меня склеить, придумай что-то менее идиотское, нежели пустые наезды на моих друзей. Мне неприятно, что ты считаешь, будто я глупей твоей болонки.

– Извини... – тихо отозвался он, придерживая меня за руку.

– Без проблем, – доброжелательно улыбнулась я. – Надеюсь, все останется между нами?

– Конечно.

Я кивнула, забрала ноут и ушла к себе. Сейчас надо зайти к Тилю и успокоить его. Но что-то мне подсказывало, что раненое самолюбие моего принца придется залечивать дольше обычного. Ладно, что-нибудь придумаем...

Забегала к себе, упаковала ноут в сумку, а сумку спрятала в чемодан. В гостиницах, даже элитных, лучше не оставлять дорогие вещи на видном месте – сопрут, как в самой дешевой. Нет, потом, конечно, можно поругаться с администраторами, потребовать компенсации, но гораздо лучше подстраховаться заранее. К чему нам нервы себе портить? Покрутилась перед зеркалом, проверяя все ли на мне хорошо сидит. Короткая оранжевая юбка-плиссе с красным агрессивным рисунком (когда Тиль притащил ее домой, мне чуть плохо не стало, а его она несказанно радует до сих пор – вот и пусть радуется) и бледно-желтая батистовая кофточка с красивым вырезом, на пуговках-жемчужинках и с романтичными рукавами-фонариками. Через тонкий материал просвечивает кружевной лифчик. Я расстегнула пару пуговок, чтобы был виден бантик. Красавица! Только так я похожа на пятнадцатилетнюю школьницу. Черт, спорный вопрос, кто из нас педофил... Волосы в хвост. На ноги – босоножки на шпильках. Можно идти. Шахерезада Ивановна готова.

Дверь в его номер была приоткрыта, из ванной слышался шум воды. Я тихонечко прошмыгнула в комнату, убедилась, что никого нет, закрыла дверь на ключ, повесив с той стороны табличку «Не беспокоить!» Да, я не хочу, чтобы нас беспокоили.

Заглянула в ванную, в надежде, что моя любовь нежится под душем.

Моя любовь голая по пояс нервно массировала кожу головы, размазывая по волосам спермообразную кашицу. Фу, блин! Странно, потому что обычно Тиль маски на волосы делал перед сном, но никогда днем. Чего это на него нашло? Я тихо подошла к нему сзади и прижалась к спине, потерлась щекой между лопаток, запустила руки под ремень на животе.

– Я занят, ты не видишь? – спокойно сказал он. В голосе проступала обида.

– Разве я тебе мешаю? – мурлыкнула я. Пальцы медленно ползали по его телу. Я чуть прикусила кожу. – Мне сегодня приснилась бабочка. Знаешь, к чему снятся бабочки?

– Не знаю и знать не хочу, – буркнул он, решительно убирая локтями мои руки, собирая волосы на макушке, прилаживая их то так, то этак. Они не держались, прядки выпадали. Тиль злился.

– Бабочки снятся голодным девушкам, которые мечтают о своих мальчиках, – не отступала я. Уселась на край беде, словила его руку и потянула на себя. Обняла, уткнувшись лицом в живот.

Тиль не вырывался, но и ответных действий не предпринимал. И руки мыть явно не собирался. Фиг с тобой, измажемся в твоей ужасной маске, если надо.

– Отчего же девушки голодные? Разве опытные взрослые мужчины их не удовлетворяют? – ехидно типа сострил он.

Я провела языком от ремня к пупку. Посмотрела наивно снизу вверх.

– Не люблю секонд-хенд.

Тиль выдохнул и сглотнул. Все равно на меня не смотрит. Руки на весу. Но хоть волосы мучить перестал, уже хорошо.

– Что он хотел?

– Спрашивал, в каких я отношениях с Шенком.

– И что ты ответила?

– Чистую правду.

Ну наконец-то их высочество соизволило одарить меня хоть каким-то взглядом. В данном случае бровь удивленно приподнялась, требуя пояснений. Я молчала, водила носом по коже, щекотала ее языком и ласково целовала, чувствуя, как организм возбуждается против воли хозяина.

– А он что?

– А он спросил после этого, не нужен ли моей маме зять.

Тиль нахмурился и присел передо мной на корточки. Я расстроено сложила бровки домиком. Сдернула резинку с волос и пожертвовала ее в пользу психических – собрала его волосы на макушке и перетянула их резинкой. Ну вот, теперь и у меня руки грязные.

– Я не понял, – нормальным голосом отозвался он.

– Он сначала попытался узнать, в каких мы отношениях с Шенком...

– Которым из нас?

– Я так поняла, что он хотел, чтобы я сама ему рассказала, с которым из Шенков у меня отношения. Понимаешь, Дэвид мне ясно дал понять, что он уверен, что я с кем-то из вас сплю, но пока не понимает, с кем именно. Мне нет смысла этого скрывать, но и говорить об этом я не буду. Пусть он не зарывается, ищет и думает сам. Смысл облегчать ему задачу? Потом он перевел стрелки на то, что мы с тобой не ладим, сказал, что раз так, то меня надо убрать из команды.

– Только пусть попробует! – сжал он кулаки и гневно прищурился. Вспомнил, что руки в маске. Мы оба подались к крану и принялись отмывать ладони друг друга.

– Потом завел разговор про Дэна и условия контракта. Я объяснила, что мы друзья. Тогда он предложил мне свои услуги. Я отказалась.

– Поэтому ты так нежно держала его за руку и так сладко ворковала с ним? – ревность аж выступила капельками пота на лбу.

– Мне хотелось немного поиздеваться, поиграть. Но мне все равно кажется, что Дэвид это делал с какой-то другой целью. Только пока не понимаю, с какой.

– Ты все врешь! – нервно бросил Тиль, выдергивая у меня полотенце. Схватил за руку и поволок из ванной. Я решила, что в коридор. С ума он что ли сошел? Какая муха его укусила?

– Тиль! Тиль! – залепетала я, особо не упираясь, но и ногами двигая с неохотой. Какая идиотская ситуация!

Мы действительно пересекли почти всю комнату по направлению к выходу. Блин, вот я попала! Вдруг Тиль так же резко остановился. Осмотрелся. Изменил траекторию движения и с силой толкнул меня на кровать. Тут же уселся сверху, заведя мои руки за голову, словно я сопротивляюсь. И я бы, конечно, начала сопротивляться, брыкаться и лягаться, визжать и звать на помощь, но его агрессивные грубые действия никак не вязались со смешинками в глазах. Я выгнулась, пытаюсь скинуть его, начала не слишком рьяно вырываться. Тиль со всей силы сжал мои запястья одной рукой, другой попытался растянуть блузку. Я крутилась, не давалась.

Тиллю хочется сегодня быть сильным? Хочется быть доминирующим самцом? Доказать мне, что он во всем главный, что другим самцам здесь не место? Мне нравится эта игра! Хочу быть сейчас его жертвой, слабой и незащищенной. Хочу его – мужчину, страстного, властного, грубого. Ох... От одной этой мысли я чуть не кончила раньше времени. Да, давай, малыш, возьми меня грубо!

– Я проучу тебя врать мне, – рычал он хрипло, совсем незаметно улыбаясь. Рванул ткань так, что пуговицы отлетели, словно горох от стены. Порвал! Честное слово, порвал! Задрал лифчик, начал кусать грудь и шею. Причем достаточно больно кусать, ощутимо.

– Тиль, только без засосов на шее, – взмолилась я. И тут же получила засос на ключице.

– Моя, – рычал он мне в ухо, кусая за мочку, вцепившись руками в волосы и натягивая их. – Моя, – судорожно расстегивал он джинсы, царапнув меня пряжкой ремня. Я кусала его плечи и раздираала ногтями спину. – Моя, – закинул одну ногу себе на плечо и резко вошел.

– Твою мать! – от боли воскликнула я на русском. Непроизвольно впиалась ногтями ему в бока. Пальцы соскользнули по потной коже. Или я его оцарапала до крови? Тиль довольно ухмыльнулся, рассматривая каблук у себя перед носом. Гаденыш! Ну чем не совместное русско-немецкое порно? – Я проткну шпилькой матрац... – с трудом выговорила я, не зная, как пристроить вторую ногу в босоножке.

– Да ну и хер с ним, – широко улыбнулся он, и опять сделал суровое лицо настоящего брутального мужика.

Он трахал меня так, словно хотел пробить насквозь – властно, резко и агрессивно. Он доказывал мне свое превосходство, единоличное владение моим телом, никаких, даже мысленных, отступлений. Тиль был груб, постоянно кусался, прищипывал кожу, сжимал слишком сильно ноги и руки, но в то же время двигался очень аккуратно, четко контролируя ситуацию. Он причинял мне ровно столько боли, чтобы она была в удовольствие, чтобы я терялась в его объятиях, выгибалась и стонала от блаженства, болезненного наслаждения. Голову сносило напрочь. Хотелось стонать громко-громко, кричать в голос, как в пошлых порнушках. Да, да, Детка, трахай меня сильнее! Еще сильнее! Еще! Мне так хорошо! Но нельзя, нас могут услышать. Я кусала собственную руку, его плечи, чтобы не кричать. Металась под ним, отпустив сознание куда-то далеко, в космос. Нельзя кричать. Но так хочется...

Неожиданно в его кармане завибрировал и зазвонил телефон. По звонку я узнала Дэвида. Тиль недовольно выматерился, замер на мгновение, извлекая трубку из бесформенной кучи у себя на ногах.

– Да, Дэйв? – старался говорить нормально, продолжая двигаться во мне. Я легла поудобнее и начала ласкать себя. Тиль почему-то от этой картинки всегда возбуждается больше обычного. – Нет, я у себя, ты выдернул меня из ванной... Моюсь, что я там могу еще делать?... Хорошо... Извини, мне холодно. Я буду готов... Эээ... Ну я скоро буду готов, да. Пока.

Он отключил телефон совсем и отшвырнул его в сторону. Взял меня за щиколотки и закинул ноги на плечи – так ему лучше видно, как я себя ласкаю. Теперь он плавно раскачивался во мне, с улыбкой целуя косточку на ноге, щекоча щиколотку. Я постанывала. Кусала губы. Двигала бедрами ему навстречу, чувствуя, что вот-вот кончу. Когда моя рука вцепилась в его, он опять начал бить жестко и резко, накрыв меня телом. Он любил чувствовать мой оргазм, любил смотреть на меня в этот момент, замирая и вжимаясь в мое тело, одаривая губы легкими поцелуями. Потом кончал со стоном сам, неистово двигаясь во мне, до синяков стискивая мою руку. Но сегодня мы кончили одновременно, пытаясь целоваться в этот момент, дотрагиваясь приоткрытыми губами, стучаясь зубами, обмениваясь дыханием и капельками пота.

– Дерьмо! – выругался он, плюхнув мне на плечо голову в маске, про которую мы оба забыли.

– Дерьмо, – подтвердила я, рассмеявшись. Я чувствовала, как стучит его сердце. Сжала мышцы, не позволяя члену так скоро выскочить, оплела ногами и руками, шумно выдыхая

в шею. Тиль с мягкой улыбкой посмотрел мне в глаза, убрал мокрые волосы со лба. Краем пододеяльника вытер маску с плеча.

– Мне всё, можно опять доставать свой стратегический запас водолазок на неделю? – жалобно спросила я.

– Нет, – поцеловал нежно. – Я не трогал шею.

– Да? По-моему, ты там все сгрыз до кости, – покосилась я на себя.

– Моё, – собственнически прижал он меня к себе, кусая за плечо.

Я кое-как избавилась от обуви, обняла его в ответ и уткнулась носом в грудь.

– Не хочу вставать. Хочу весь день вот так лежать с тобой в обнимку.

– Ой, нет! Ежик, тебе надо помыться, а то волосы от твоей химии вылезут. Ты мне всяким нравишься, но без волос эффект уже не тот... Давай вечером повторим так же. Я в восторге. Обожаю, когда ты такой...

– Какой? – заулыбался.

– Нежно-грубый.

– Хорошо. Я буду с тобой грубым, – зарычал Тиль и опять прикусил шею, хихикая мне в ухо.

Я посмотрела на него счастливого и решила еще раз попробовать испортить настроение.

– Тиль... Пожалуйста... Мне не дает покоя та фраза Маркуса про твои связки. Пожалуйста, отмените концерт, покажись специалистам...

Он помрачнел и вздохнул.

– Мы это уже обсуждали. Давай не будем.

– У меня плохие предчувствия... Пожалуйста, ради меня... Я боюсь за тебя. До дрожи в ногах боюсь за тебя.

– Машенька, обещаю, что после тура пройду полное обследование. Сейчас в тур вложены огромные средства, которые мы обязаны отработать. Нам люди дали очень много денег. Мы обязаны их вернуть, желательно с прибылью. Иначе я на самом деле стану тем самым использованным презервативом, про который ты говорила. Я обещаю тебе, что сразу же после тура обследуюсь в лучшей клинике Германии, хорошо?

Я удрученно кивнула.

– Доверяй мне, малыш.

– Пойдем в ванну, а то ты из меня вытекаешь и мне щекотно, – сконфуженно пробормотала я.

– Да, а мне надо голову сполоснуть. Я тут все вокруг уделал.

Тиль лично меня вымыл. Он вообще любит возиться с моим телом, гладить его, целовать. Иногда казалось, что мое тело – это его маленький личный фетиш. Он ласкает его, обожает, балует, одевает и украшает засосиками. Ему даже, наверное, не нужна я сама по себе, главное, чтобы тело было рядом. Потом он меня вытер, достал футболку взамен убитой кофточки, одел и, пока в коридоре никого не было, выставил из номера, пообещав заглянуть чуть позже, когда пообщается с Дэвидом. Я же пошла к Дэну. Интересно, он уже встал? Им через час на саундчек выезжать, а после отравления Дэн едва живой. Как он будет сегодня выступать? Вчера как обкуренная муха по сцене ползал.

Дэн проснулся, но еще не вставал, лежал в постели и смотрел телевизор. Он был очень бледный, опухший и совершенно несчастный. Я заказала в номер тосты и чай с лимоном для него, себе – фруктовый салат из клубники, грейпфрута, винограда и бананов. Дэн любил, когда с ним нянчились. Не брезговал наедине быть слабым и капризным. Это на людях он всегда сильный, а один на один может быть любимым. Сейчас мне хотелось доставить немного удовольствия старшему близнецу, побаловать его, поухаживать (дома я старалась не обделять его вниманием, всегда всё делала для них двоих). Он лежал такой несчастный, такой убитый, такой обессиленный. Впрочем, это не помешало ему вскоре съесть мой салат из моих рук, выпить

пол-литра чая и слопать все тосты. Мы болтали о пустяках. Дэн жаловался на Тиля, который притащился к нему вчера в ночи и долго возмущался моим непониманием, и ржал над моим предложением заменить меня собой. Вроде бы к моменту, когда надо начинать собираться на концерт, он немного ожил и порозовел. Настроение у него поднялось однозначно. Он кокетничал и ерничал. Смешно морщил нос и стрелял глазками. Так, если наш мацо активизировался, то жить точно будет.

– Дэн! – без стука влетел в номер Дэвид.

Мы как раз валялись с ним рядом на постели и досматривали мультфильм, задрав ноги на спинку кровати. При этом Дэн был в одних трусах, а я в короткой юбчонке с голыми ногами и футболке Тиля.

– Мари? – вытаращил глаза Фехнер. За ним стоял Тиль.

– Мы завтракали, – широко улыбнулся Дэн. – Хотите чаю?

– Там ничего не осталось, ты все выпил, – быстро проговорила я, принимая более личную позу, собирая ноги в кучку.

– Мы через полчаса выезжаем, почему вы еще не собраны? – нахмурился Дэвид, проводя внимательным взглядом по постели.

– Потому что мы выезжаем через полчаса, – пожал плечами Дэн. – Проходите, чего вы там в дверях стоите? Мари, подвинь корму. Тиль, смотри, новые «Симпсоны», мы уржались.

Тиль плюхнулся рядом, незаметно накрыв мою руку. Хорошо, что Дэн больше не воспринимается им, как потенциальный соперник, и Тиль теперь включает голову, прежде чем пуститься во все ревностные тяжкие. Я сжала его пальцы. По телу тут же начало разливаться тепло из центра живота. Черт, я еще хочу так!

– Где остальные? – ворчал Дэвид, вышагивая по номеру. – Почему за всеми надо бегать? Почему никого вечно нет на месте?

– Позвони им, – предложил Тиль. – Все сюда и придут.

– Не надо всех! Мне еще в душ и одеваться! – запротестовал Дэн.

– Ладно, вы там решайте, а я пойду себя в порядок приведу. У меня две пары джинсов с собой, никак не могу выбрать, какие надеть, – улыбнулась я, быстро ретируясь из номера, пока мне не придумали занятие. В зеркало увидела, каким облизывающим взглядом проводил меня Тиль. Я тебя тоже люблю, малыш.

В концертном зале каждый из нас занимался своим делом – ребята работали со звукорежиссером, я таскалась с Фехнером и переводила, общалась с журналистами и другими заинтересованными лицами. Работа у меня была не пыльной, и если бы не то дикое количество народа, которое каждый день мелькает перед глазами, можно было бы считать, что это идеальное место для такой лентяйки, как я. Когда все вроде бы подготовили, мы сидели в гримерке и обсуждали какие-то насущные дела. Я дразнила бананом Тиля, совершенно на него не глядя (точнее я за ним изредка наблюдала в отражение в окне), – мягко обхватывала губами сладкий фрукт и «эротично» откусывала. Тиль ерзал, нервничал и старался скрыть возбуждение. Дэн пытался на меня не смотреть, но тоже как-то излишне громко ржал и очень пошло шутил. Клаус спал в наушниках. Хаген брэнчал на гитаре и огрызался на выпады близнецов. Потом все ушли, оставив Тиля распеваться. Мы с Хагеном немного побесились в коридоре, хотя шпильки располагали все ж к эротичному покачиванию бедрами во время ходьбы, а не к дикому скаканию на них в каком-то бункере.

– Завтра в Лиссабон приедут два врача из Германии, Маркус договорился. Они меня посмотрят, – шепнул мне Тиль перед выходом на сцену. – И если они скажут, что с горлом что-то серьезное и мне не надо выступать, то мы отменим пару концертов, чтобы пролечить мое горло. Ты довольна?

Я с благодарностью посмотрела на него и кивнула. Хотелось обнять и поцеловать. Нельзя. Народ.

- Я не хочу, чтобы ты нервничала.
- Спасибо тебе. Не буду. Удачи. Я с тобой.

Он покрутил головой. В коридорах никого нет, кроме трех человек из охраны. Эти знают. С этими можно. Обнял меня и поцеловал.

- Ты моя удача.

Я осталась одна, провожая их взглядом. Прислонилась затылком к каменной стене. Надо идти за ними и стоять за сценой. Не смогу. Он сейчас мне своим хриплым голосом порвет всю душу, я буду стоять и реветь, не в силах сдерживаться. Ничего, доберемся до Лиссабона, а там его нормально посмотрят и обследуют. Лишь бы сейчас ничего не случилось.

- Мари, – окликнул меня кто-то.

Я вздрогнула и повернулась на голос. Дэвид. Ох, как надоел. Мне вот сейчас совсем неохота строить в его песочнице куличики.

- Пойдем в кафе.
- Зачем?
- Просто так. Я есть хочу, толком не обедал.

Хорошая идея, между прочим. По крайней мере, так я смогу отвлечься от своих переживаний.

- Если ты угощаешь? – решила я быть наглой.
- Не вопрос, – улыбнулся Фехнер.

Странно, но в кафе Дэвид вел себя как нормальный мужчина, а не изображал недоделанного Пинкертон. Мы мило беседовали. Он расспрашивал меня о Москве и родителях. Я его – о семье и женщинах, о проектах, которыми он раньше занимался, о том, как он вырастил этих «маленьких ненормальных щенков». Оказалось, что женатым он никогда не был, а на мой вопрос о дочери громко рассмеялся – слухи такая же часть его работы, как и все остальное. Он привык. Дэвид очаровательно улыбался и смотрел на меня расслабленно, не играл, не вынюхивал. Спросил, не сильно ли напрягает меня Тиль. Он хороший мальчик, но своими капризами может заставить чертыхаться самого Бога. Дэвид привык, а мне, наверное, тяжело. Я слушала его с улыбкой, думая, как жаль, что Дэвид не знает его настоящим. Более преданного, нежного и терпеливого создания, чем Тиль, я просто не знаю. Ну с Дэном они могут еще посоревноваться. Было немного обидно, что Дэвид не видел его таким. Так незаметно пролетел час. Мы бы и дальше сидели, пили чай и болтали, если бы нас не прервал телефонный звонок. Дэвид побледнел.

- Что случилось? – оборвалось у меня все внутри.

Дэвид судорожно рыскал по карманам в поисках бумажника.

- У Тиля голос пропал посреди песни.

Внутри взорвалась огромная бомба, аж ребра заломило и челюсть свело.

- В смысле пропал? – меня затрясло. Сон в руку?

– В смысле совсем пропал. Нем, как рыба, – раздраженно пояснил он. Кинул на стол купюру, подорвался с места. Я на ватных ногах понеслась за ним.

Как он ориентировался в длинных, темных коридорах, я не понимала. Дэвид шел очень быстро. Я семенила за ним, на нервах пару раз подвернув ногу. Потом плюнула на все и сняла туфли. Стала мелкой, зато гораздо более шустрой.

- Где вы? – рявкнул Фехнер в трубку.

Резко завернул в очередной коридор, убирая аппарат в джинсы. Тут же достал его обратно, нервно набрал чей-то номер.

– Питер, срочно, лучших врачей! Я сейчас отправлю его в Германию. Пусть что хотят делают... Да... Голос! Совсем! Маркус сказал... Я с тобой разговаривал на эту тему! Я тебя просил! Я вас всех предупреждал! Маркус мне плешь проел, что у него не ларингит, а что-то серьезнее! Я просил вас!... Хорошо... Этих в Лиссабон, а его в Германию. Договорились. Билет

закажите на ближайший рейс. Врачей подгони самых лучших! Все очень быстро! Срочно!.. А я тут причем? Я им тут и так чуть ли не задницы подтираю... Приезжай и общайся! Всё! Отбой!

Вот оно что... Это не Дэвид и Тиль не хотели тур останавливать. Это сверху шло... Тиль же пытался мне объяснить. Вот я тупая...

Тиль сидел мертвенно-бледный на стуле посреди гримерки в абсолютной тишине, перед ним маячил доктор Мартин. Остальные притаились на маленьком диванчике. Увидев меня, вошедшую следом за Фехнером, он... демонстративно отвернулся, поджав губы. Вид как у вождя какого-нибудь индейского племени, которого схватили бледнолицые. Обиделся. Причем сильно обиделся, что не стояла рядом, что была с другим.

– Так, Тиль, вы с доктором Мартином валите отсюда в Германию ближайшим рейсом, – по-деловому сразу начал Фехнер. – Я уже договорился. Лучшие врачи будут к твоим услугам. Билетами сейчас занимаются. Все остальные – в отель и спать. Завтра летите в Лиссабон. Тур отменять не будем. Ждем вердикта.

– Брат будет нормально говорить? – тихо спросил Дэн. Его голос дрожал так, что я с трудом разобрала слова.

– Будет, куда он денется, – попытался улыбнуться Маркус. – Он не только будет говорить, но и петь, да, Тиль?

Тиль не реагировал. Застыл статуей. Я не выдержала, пошла к нему. Хотела как-то обнять, поддержать. Он остановил меня совершенно черным взглядом.

– Вы сидите, как на похоронах, – сделала я вид, что иду не к нему, а к столику с напитками. – Все живы. Горло теперь вылечат. Пара концертов мимо, а потом снова колесить по Европе.

На меня все как-то странно покосились. Ну и пожалуйста. Буду молчать. Просто меня так трясет сейчас, что кажется, зубную дробь слышно на улице.

Фехнеру опять позвонили. Он пару раз дакнул, что-то записал и отключился.

– Номер рейса, – протянул бумажку. – В вашем распоряжении полтора часа. Регистрация уже началась.

– А ты не летишь с нами? – едва слышно сипло спросил Тиль.

– А кто сейчас тут будет отмазываться от кредиторов? – удрученно хмыкнул Дэвид.

– Мы успеем заехать в отель? – засуетился Маркус.

– На десять минут, не больше, – кивнул Фехнер и вышел.

– Тиль, не кисни, все будет хорошо, – похлопал его по плечу доктор. – Тебе помочь собраться?

– Я помогу, – подскочил Дэн, заметался по комнате, скидывая его вещи в сумку.

Я предприняла еще одну попытку подойти к нему. Он снова остановил меня взглядом. Я плюхнулась на ближайший стул и закурила. Ко мне присоединились Хаген и Клаус.

– Он с самого начала уже не тянул, – тихо заговорил Клаус. – Кое-как полконцерта провели. Ужасно... Просто ужасно... Считай, зал пел за него. Решили, сократить по-максимуму... А на «В ночи» Тиль просто замолчал посреди песни. Попробовал еще немного попеть, но... Всё... Замолчал...

Клаус тоже замолчал. Я покосилась на Тиля. Он так и сидел посреди комнаты с непроницаемым отстраненным лицом.

– А меня Дэвид в буфет утащил. Он по-французски не говорит, а его английский там не понимают, – оправдывалась я. – Надо было от него как-то отвязаться... Я же чувствовала... Просила его отменить этот чертов концерт...

– Нельзя, – выдохнул дым Хаген. – Мы тут уже отменяли в прошлый тур. Нам не разрешили второй раз. Дэвид полдня ругался с Нойманном. Питер сказал, что только за счет Дэвида. Неустойка...

– Машины пришли, – появился на пороге Фехнер.

Ребята подхватили вещи и проследовали на выход.

В отеле Тиль ни на секунду не оставляли одного. Я лисой крутилась около его номера, в ожидании, что все выйдут, и он хотя бы переоденется. Но Тиль переодевался прилюдно, Дэн топтался рядом, собирал какие-то мелочи и туалетные принадлежности. Фехнер постоянно с кем-то говорил по телефону, орал и матерился. Два менеджера с ассистентом поддакивали и подсказывали Папе умные мысли. Хаген и Клаус обсуждали с Маркусом перспективы поездки. Блин, ну что они делают, идиоты! Тиль же и так на взводе! Не выдержала, набрала смс: «Я поеду с тобой! Один ты никуда не поедешь!»

Он вышел через минуту, застегивая серую плюшевую курточку от спортивного костюма. В руках ключ от номера брата.

– Помоги мне найти, забыл, куда положил, – сказал так громко, как только смог. Голос ужасный. Сиплый.

Едва мы оказались одни в номере Дэна, я тут же вцепилась в него мертвой хваткой. Не выдержала, разревелась. Трясет всю, говорить не могу.

– Перестань, – вытирал он слезы. – Ну, перестань, не реви. Я завтра вернусь. Или послезавтра. Наверное, послезавтра. Тебе не надо со мной лететь. Я могу настоять, чтобы ты со мной полетела, но не надо. Останься с Дэном. Он сейчас лицо группы, на него весь удар пойдет. А Дэн не привык, он всегда был вторым. Ему нужна поддержка. Ты сможешь, я знаю. Пожалуйста, ради меня. Ты ведь знаешь, он сильный только для публики. Останься с ним.

– Тебе тоже нужна поддержка, – всхлипнула я.

– Нужна. Очень нужна. Я хочу, чтобы ты была рядом со мной. Хочу чувствовать твое плечо рядом. Но я буду спрятан от всех, а Дэн будет на виду. Пожалуйста, останься с ним.

Я кивнула. Можно подумать, у меня есть выбор. Тиль улыбнулся и нежно меня поцеловал, потом обнял крепко-крепко и судорожно выдохнул в волосы.

– Все будет хорошо. Ты мне веришь? – пробормотал в макушку.

– Звезда, звезда... – улыбнулась я. – Верю.

– Мне пора. Не провожай меня, иначе я не смогу уехать без тебя. – Резко отстранился и, не оглядываясь, быстро пошел к двери. Я кое-как добрела до кровати, упала на нее и разревелась, уткнувшись в подушку. Не хочу с Дэном. Хочу с тобой.

Глава 4

Думала, что они не придут. Спряталась от всех в своем маленьком одноместном номере, включила ноут и постаралась найти хоть какую-то информацию об этом концерте. Фанаты должны выложить видео, написать хоть что-то. Дьявол, ну почему я его не остановила, ведь чувствовала, понимала, что все плохо!

Сначала пришел Клаус. Упал рядом со мной на кровать, закрыл глаза и лежал так несколько минут, абсолютно беззвучно. Я нервно рылась в Интернете, читала форумы, просматривала сообщества, не обращая на него никакого внимания. Лишь когда ноги совсем озябли, прижала их к ногам парня – тепло и хорошо. И как он не мерзнет в шортах? Или это от нервного перенапряжения мне так холодно? Тиль сейчас в самолете. Телефон выключен. Надо немного потерпеть, кинуть смску. Когда придет «обратка», я буду знать, что он снова на связи. Кажется, телефон – это моя нить Ариадны, без которой я просто погибну. Да, может быть слишком патетично, но это так... Я боюсь за него. Он же сейчас такой незащищенный...

У меня в компьютере есть специальные ссылки-закладки, куда я сохраняю интересную информацию по ребятам, отзывы, критику, там же есть ссылки на десяток иностранных и русских сайтов, которые я частенько просматриваю в тайне от Тиля. Сам Тиль посещает исключительно официальный немецкий ресурс, раздел имени себя, ноет, что там скучно и не интересно, и с пафосом потом всем рассказывает, какие у него милые фанаты, обсуждают его задницу, а не творчество. Новость о пропаже голоса разлетелась по миру, судя по всему, за считанные минуты, но вот видео никто выкладывать не спешил. Я нетерпеливо щелкала закладки, кое-как удерживая себя от заразной истерики. Все будет хорошо. Я всё узнаю из первых уст. Как только завтра его осмотрят врачи, он немедленно мне напишет или позвонит. Завтра утром. Завтра...

– Что пишут? – спросил вошедший Хаген, сразу же заглянув мне через плечо.

– Новостники говорят, что у Тиля пропал голос. Поклонницы во всем обвиняют менеджеров...

– Слава богу, что не нас, – выдохнул Клаус.

– ...истерят, строят догадки, говорят, что вчера он уже был никакой. Кстати, вас все равно обвиняют. Но это так... Истерика очередная. Видео нет...

– Зачем тебе? – Хаген лег рядом. Пододвинулся вплотную, чтобы было лучше видно. Мне стало тепло. Интересно, почему номера ребят всегда теплые, а я в своих вечно мерзну?

– Хочу посмотреть.

– Тебе Клаус все рассказал. Ты ему не веришь?

– Скажем, у меня скрытая форма мазохизма. Маркус считает, что это не ларингит. Подозреваю, что завтрашняя поездка в Лиссабон будет пустой тратой времени и денег.

– Да завтра еще будет не страшно... – вздохнул Клаус. – Послезавтра будет весело. Если Тиль не выйдет на сцену, нас там проклянет тысяча двадцать народу.

– Ты веришь в проклятия? – На полном серьезе приподняла я бровь, сжав губы, чтобы не рассмеяться.

– Угу, – кивнул он. – А еще я очень люблю журналистов. Сплю плохо, пока о себе что-нибудь в газете не прочитаю.

– Кстати, ты в курсе, что женат и у тебя есть ребенок? – спокойно спросила я.

– Вот сволочь! – оживился Хаген, пихнув друга. – Опять ничего не сказал.

– Сам такой, – огрызнулся Клаус и перевернулся на живот, прилипнув ко мне с другого бока. Я прям как бычок – смоляной бочок, все ко мне норовят придвинуться и обязательно вплотную.

– Сейчас кто-нибудь войдет, а тут три такие задницы кверху, – хихикнула я.

– Чего пишут-то? Переводи, – ухмыльнулся Хаген, кивнув в монитор.

– Истерят все и строят какие-то мрачные прогнозы. Большие надежды на концерт в Лиссабоне, – резюмировала я.

– А давайте выпьем? – предложил он.

Клаус покосился на него неодобрительно. Я кивнула. Надо выпить, потому что напряжение такое, хоть на стену лезь. Хаген дотянулся до телефона на тумбочке и заказал для нас ужин и выпивку.

Через полчаса к нам присоединился мрачный Дэн. Подоспел как раз вовремя. Мальчишки еще ржали, что он придет сразу же, как только принесут поесть. У него на еду отменных нюх. Когда все тарелки были разобраны, и мы, глотая слюни, собрались приступить к трапезе, дверь распахнулась и на пороге, как и было предсказано, возник недовольный Дэн. Клаус взглядом указал на стоящую на столе тарелку. Я налила сок в его стакан. Хаген деланно проворчал:

– Ну, вот вечно тебя ждать надо. Остыло уже все.

Дэн состроил противнейшую рожу и... улыбнулся.

– Тиль не звонил тебе? – спросил с надеждой.

Я грустно покачала головой.

Потом мы напились. Клаус мешал мне коктейли с «Мартини», Дэн с Хагеном соревновались, кто кого перепьет. Повод был хороший – отъезд близнеца. Дэн жаловался, что он с Тилем с момента яйцеклетки не расстанется, и сейчас в его жизни случился практически траур, он одинок, всеми покинут, несчастен. Несколько раз они звонили уже порядком разозленному Тилю, требовали, чтобы он сказал, когда вернется. В итоге Тиль всех послал и отключил телефон. Дэн расстроился еще больше и принялся ныть, какой Тиль говнюк и как брат его достал. Мы с Клаусом выползли на балкон, уселись на пол и принялись рассматривать почти беззвездное французское небо. Как жаль, что сейчас еще холодно. Можно было бы пойти купаться (почему-то очень хотелось именно голышом). Плавать, нырять, брызгаться и издеваться друг над другом. Тилиа бы сюда. Без его смеха и идиотских выходок, мне мучительно скучно... И одиноко. Он, когда напьется, такой смешной. Гримасничает, идиотничает, хихикает глупо. Иногда смотрю и думаю, ужас какой, что я в нем нашла, ведь чучелко-чучелком – глаза по пьяни косые, зубы забором, лопухий, ноги кривые, лентяй и зануда, смеется по-дурацки, шутит еще хуже, истерики иногда закатывает, в общении бывает грубым, иногда парой слов размазывает так, что не отмоешься, но есть в нем что-то такое... магическое. Когда он улыбается, на душе становится солнечно, ярко, искорками все в сознании озаряется. Он ласковый со мной, словно южный ветер в мае. Закрываю глаза рядом с ним и у-ле-та-ю...

Дорога настолько прочно вошла в мою жизнь, что в какой-то момент я перестала ее замечать. Все делалось на автомате – приехать в аэропорт за час, посидеть в VIP-зоне, за десять минут до взлета проследовать в самолет и на время перелета забыться в легком сне. Ребята с самого утра ходят мрачные – вчерашний перепой не пошел им на пользу. Ну, хоть стресс сняли, и то хорошо. Хотя тот гадюшник, который они устроили в моем номере... Не хотела б я быть горничной в том отеле. Вообще удивляюсь Дэну – вчера утром лежал, умирал, я его чаем и тостами откармливала, вечером нажрался так, что идти не мог, ночевал в моем номере на полу (ну где вырубился, там и вырубился, не буду ж я тягать его тушку туда-сюда), сейчас опять вот умирает. Зачем так делать? Ну и чем мы занимались с Дэном все утро? Компрессы на оплывшую морду (у них с Тилем мешки под глазами – врожденное, только благодаря правильно выставленному свету и качественной работе стилиста, а потом дизайнера удается их убрать) и крепкий чай с лимоном и анальгином на сладенькое. Мелкий алкоголик. К обеду, когда надо было, собственно, покинуть гостиницу, он хотя бы перестал походить на африканскую маску, отпугивающую злых духов. Немного ожил и расхорохорился. Фехнер обозвал меня матерью Терезой и сказал, чтоб я не просила прибавки к зарплате за свои ухаживания за этими оболдуями, которые за несколько лет так и не могут научиться пить без последствий. Ребята

на него тут же окрысились, а меня это очень развеселило. Поэтому дальнейший путь мы проделывали с Дэвидом под пристальным надзором группы, обмениваясь приятными колкостями и довольно хихикая. Только вот переписку с Тилем пришлось свернуть. Дэвид рядом. Дэвид бдит. Не будем дразнить Дэвида. Мне вдруг показалось, что я поняла, почему он пытается узнать о моих отношениях с кем-то. Фехнер, как бог – всё всегда знает, всё всегда видит, в курсе всех дел. А тут, видимо, его лисий нюх чует, что что-то не так, но не понимает, где именно. И от этого Дэвиду не по себе, ему надо всенепременно узнать, с кем же у меня роман. Завел разговор о Тиле. Переживал, говорил, что, если с его голосом что-нибудь серьезное, мальчишку будет искренне жаль. Я как тот комар: «Чуду царь Салтан дивится, А комар-то злится, злится – И впился комар как раз Тетке прямо в правый глаз». Я, конечно, в глаз не впились, обошлось, слава богам, без увечий, но высказалась жестко про тот график, от которого даже у фанатов волосы дыбом встают. Кто меня тянул за язык? Ну вот кто? Дэвид разнервничался, распахивался и зачем-то раскричался на менеджеров. Они и так меня не любят, а тут вообще, наверное, возненавидели. Зато я вернулась к своему телефону и предалась пустой болтовне с Тилем.

Лиссабон встретил нас приятным теплом, свежим ветром и ором девушек. Причем, казалось, нас приехали встречать фанаты всей Португалии и доброй половины Европы. Мальчишки пряталась за солнечными очками и опускали лица. Я предпочла идти вообще в стороне от них, чтобы не быть раздавленной жуткой толпой. Обыденно как-то все стало. Раньше я нервничала, переживала, дергалась. А сейчас скучно и не интересно.

В отеле вчерашние алкоголики решили стать спортсменами. Настроение у всех было не особо. Тиль сказал, что говорить он может, а вот насчет завтрашнего выступления совсем не уверен, врачи выпили из него литр крови, наговорили всяких гадостей, и он теперь в панике, потому что, реально глядя на вещи, будущее группы под угрозой. После чего мы все дружно кинулись его убеждать, что он паникует раньше времени. Разговор капитально испортил и без того плохое настроение. Поругавшись друг с другом, покричав немного и выпустив пар, Дэн предложил всем снять стресс в бассейне. Какой смысл страдать, когда все равно ничего не можешь сделать? И чтобы никаких угрюмых лиц!

Мы долго бесились в бассейне, который для нужд «детворы» заказали наши менеджеры. Клаус с Дэном соревновались, кто круче плавает, наворачивая круги. Хаген учил меня нырять с бортика «рыбкой». Если честно, нырять я умею и «рыбкой», и «плюшкой», и «солдатиком», и даже «бомбочкой» с переворотом, но если мужчина хочет тебя чему-то научить, то зачем ему отказывать в этом маленьком удовольствии? Пусть почувствует себя значимым. Хаген хохотал, в сотый раз объяснял, как правильно вытягиваться, отталкиваться, входить в воду. Я делала все с точностью наоборот. Спихивала его с бортика, сама прыгала в воду. Мы топили друг друга, выныривали и снова топили. Потом Дэн пытался научить меня игре в большой теннис. Вот тут я не врала, играть действительно не умела, честно продула ему партию и мне было велено «болеть за наших» на ближайшей лавочке. Но за наших я поболеть не смогла. Мне позвонил Тиль и пришлось уйти куда-то в более тихое место. Он скучал, нервничал, переживал. Он чувствовал себя неуверенно, боялся за голос. Я утешала его, как могла, шептала на ухо всякие интимные нежности, дразнила. Его тихий голос ласкал слух, я закрывала глаза и представляла, что он рядом, сидит бедро к бедру, вот-вот дотронется до меня рукой. Он и был рядом. Такой теплый, такой мой, любимый. Просто немножко далеко. Один. В холодной и пасмурной Германии. Врачи поставили ему острое воспаление связок. Сказали, что пока его не снимут, ничего сделать не могут. Назначили антибиотики. Потом нормальное обследование. Завтра он не приедет. Ему категорически запретили петь, просили снизить нагрузку на голос по-максимуму. Мы прикидывали, что будет с концертами, сколько отменят. Я обещала приехать к нему сразу же, как нас отпустят. Я чувствовала, как он грустно улыбается, ласково прося отдыхать от переездов, больше спать и хорошо есть. Он заботливый, он меня любит.

– Ты чего? – озабоченно посмотрел на меня Дэн, когда я выпала в астрал и не отреагировала на очередную тупую шутку в «Южном парке». Мульт был особенно актуальный, вещал об абортах и какой-то чудик летал в космос, чтобы посмотреть, каково это быть абортированным зародышем. Мальчишки хохотали как ненормальные, я расслабленно ковыряла жареные каштаны, делаясь ими с Хагеном, мысленно разговаривая с Тилем, подбирая другие слова, прикидывая, что надо посмотреть в Интернете про ту болезнь и ее последствия.

– Тиль звонил... Говорит, у него серьезное воспаление связок... Дэн, а вдруг он не сможет разговаривать больше? Вдруг голос не вернется? Так и будет шептать с хрипотцой? – тихо спросила я, передав мисочку со шкурками Хагену.

– Вернется, – резко помрачнев, отрезал Дэн. – Все будет нормально. Он уже болел так же, и так же истерил, и так же у него кончалась жизнь...

– А вдруг в этот раз...

– Замолчи, – шикнул он. – В любом случае жизнь на этом не кончается. И если что, то можешь выматываться отсюда!

Я изумленно нахмурилась. Клаус и Хаген удивленно повернулись к нам. Мы тут же насупились, как по команде сложили руки на груди. Но очередная мультяшная глупость, и парни снова с головой ушли в действие на экране.

– Если тебе не нужен мой брат без голоса, – строго уточнил Дэн.

– Глупый ты, – грустно улыбнулась.

– Какой есть, – буркнул он.

– В Гамбурге дождь.

– Я знаю. Капает... Капает... – поежился. – Бесит!

– Знаешь, мне сейчас хочется стать каплей дождя, лишь бы упасть на его лицо и сползти по его щеке. Кажется, тот маленький путь был бы самым важным в моей жизни, самым счастливым. Всю любовь и нежность, какую бы я смогла ему дать, я бы оставила в том мокром следе на его щеке.

Дэн усмехнулся.

– Глупая, Тилиа из дома в такую погоду не вытащишь. Ты бы просто упала на землю и разбилась.

Потом заметил слезинку, ползущую по щеке, обнял меня и погладил по голове, чмокая в макушку.

– Как ты думаешь, а меня будет кто-нибудь так же сильно любить? – спросил шепотом. Я кивнула.

– Именно меня?

Опять кивнула.

– Я тебе верю. – Помолчал немного и добавил: – Я тоже по нему очень скучаю. И тоже за него очень боюсь.

– Давай бояться вместе? – попыталась улыбнуться.

Я удобно свернулась комочком и положила голову ему на ноги. Надо идти к себе, а то усну прямо тут. Но у себя очень одиноко и холодно. А тут ребята, хоть какая-то поддержка, хотя бы не так страшно за Тилиа.

Мне всю ночь снился Тиль. Он смеялся, шутил, куда-то звал меня. Мы ехали на поезде по пустынным улицам. Он управлял железной машиной, я сидела рядом и любовалась им. Потом мы запойно целовались, не обращая внимания на дорогу. Его руки ласкали тело, я стонала его имя и выгибалась от удовольствия. Мы занимались любовью – очень спокойно, без спешки, нежно, словно в первый раз. И когда я уже готова была кончить, неожиданно проснулась и... Тиль лежал рядом. Смотрел в потолок. Длинные реснички шевелились. Я пододвинулась к нему, обняла рукой и ногой, уткнулась в шею.

– Тиль, – выдохнула, потерлась носом о плечо, втягивая чуть сладковатый аромат.

– Спи, моя хорошая, – погладил он мою руку. – Спи.

Закрыла глаза и снова провалилась в сон.

Стук в дверь сначала казался чем-то нереальным. Где-то разрывался мой телефон. Судя по мелодии, звонил Дэвид. Судя по стуку – за дверью стоял он же. Мы с Дэном как-то одновременно сели и посмотрели на дверь. Потом на телефон. Потом до меня дошло, что на дворе день, я в номере Шенка, и Шенк сейчас сидит рядом со мной такой же сонный, как и я.

– Дэвид! – выдохнули мы одновременно.

– В шкаф! – скомандовал Дэн.

Я подорвалась с постели и метнулась в шкаф-купе. Дэн засыпал меня одеждой и задвинул чемодан. Твою мать, если меня здесь найдут, это будет такой позор...

– Где ваша крэйзи рашн? Не могу найти ее уже целый час! В номере ее нет, никто ее не видел с самого утра! Что вообще за дела? – с порога принялся наезжать на Дэна Фехнер.

– А я врач? – фыркнул он. – Хочешь, в шкафу у меня поройся, под кроватью посмотри или на балконе поищи. С чего ты взял, что она у меня в такую рань?

– Какая рань? Время – час дня!

– Я и говорю, рань... – зевнул он. – Может, она ушла в город? Мари говорила вчера, что хочет погулять по Лиссабону, по магазинам пройтись... Ну там всякие ее женские штучки...

Они прошли в глубь комнаты, и мне стало не слышно. Блин, вот ведь я попала. Ноги затекают. Надеюсь, что Дэвид не решит подождать меня у Дэна в номере. Как я могла здесь заснуть? Почему никто не разбудил? Черт, еще всю ночь снился Тиль, с которым мы трахались и, надеюсь, я не лезла с этим к Дэну... Хотя спала у него на плече. Я некстати вспомнила, что под утро просыпалась... Дэн не спал... Твою ж мать... Вот дура... Я его еще и перепутала! Хотелось провалиться сквозь землю, предварительно наложив на себя руки. Дэн подошел к шкафу, открыл одну створку и начал выбирать одежду на выход.

– Хорошо. Но мне не нравится эта затея.

Сдернул у меня с головы футболку. Я чуть убрала одежду с лица и вопросительно на него посмотрела. Дэн едва заметно улыбнулся и подмигнул мне. Чуть выпятил губы – тссс, сиди тихо. Поправил одежду на моей голове и отошел в сторону, прикрыв дверь.

Опять зазвонил мой телефон. Я дернулась. Черт! Это Тиль. На него у меня стоит заставка – его звезда во всей красе над резинкой трусов.

– Аллю? – взял Дэвид трубку.

О, нет! – чуть не взвыла я. – Только не это!

– Нет, ты не ошибся... Да, это Мари свой телефон разбрасывает, где ни попадя... У Дэна... Да... Откуда я знаю? Сам бы хотел знать, где она. А ты чего ей звонишь?.. Что хотел спросить? Как что переводится?.. А... Ну, хорошо. Я ей передам... Всё, давай... Нет, завтра днем вылетаем, часа в четыре. Билеты на завтра заказаны... Да, можешь отдыхать и развлекаться. Пока.

– Дэйв, пошли. Оставь телефон, я потом ей его отдам. Пусть помучается немного.

– Найду, оторву ей голову, мерзавка! Вот ведь, загадочная русская душа! Где ее носит? – ворчал Фехнер. И я никак не могла понять – переживает он из-за меня, или просто злится.

Хлопнула дверь. Я досчитала до шестидесяти и выбралась из заточения. Сложила вещи Дэна обратно в чемодан. Так, что делать? Надо идти к себе в номер, а еще лучше спуститься куда-нибудь в салон или сделать вид, что я тут в садике гуляю... В баре сижу... Работаю... Да, надо взять ноут и забиться куда-нибудь в дальний угол гостиницы. Потом Дэну кинуть смску, где я, и пусть приведет туда Дэвида. Так и сделаем. Вот косяк, так косяк. Всем косякам косяк...

Зачем организаторы собирали народ, а мы приехали в тот зал, не понял никто. Тиль еще в обед сказал, что врачи под страхом полной потери голоса запретили ему петь, что горло сильно воспалено и лучше бы он вообще молчал, а не мучил связки болтовней. Он все рвался прилететь в Лиссабон, чтобы лично извиниться перед публикой, но тут уж Дэвид попросил его

сидеть дома. Тиль истерил, что у него все страшно, смертельно, что нормальные люди с этим не живут, что жизнь кончена, карьера пропала, он подвел кучу народа. Надо отдать должное Фехнеру – вот что он действительно делал профессионально, так это пресекал вопли Тиля. Он забрал у Дэна телефон, отключил громкую связь и отошел в сторону. Через минуту Тиль извинился за недостойное поведение и пообещал позвонить еще. Что Дэвид ему сказал? Как он так его осадил? Как успокоил? Надо будет разболтать Фехнера на эту тему. Пригодится потом в отношениях с Тилем.

Такого позора, наверное, Даниэль Шенк не переживал никогда в жизни. Они вышли на сцену, и он, заикаясь, краснея и бледнея, объявил, что концерта не будет, неловко помахивая перед лицом микрофоном и задирая выше обычного просторную футболку. Хаген изо всех сил пытался прикинуться ветошью, на публику не смотрел, лишь изредка кивал. Клаус спрятался за козырьком кепки, виновато улыбался, руки в карманах. Когда они вернулись, их трясло. Лица отсутствующие, взгляды суровые. Матерятся через слово. Еще пресс-конференция... Которую тоже надо пережить.

В отеле все разберлись по своим номерам. Общаться не хотелось. Дэвид утащил меня по работе на встречу с организаторами. Мы долго обсуждали условия, бодались за каждый цент и час. Я смотрела, как ловко Дэвид убеждает их, что надо сделать так, как он хочет, как выторговывает для группы удобный день, играет условиями контракта. Я переводила, прыгая то с немецкого на английский, то с испанского на немецкий. Мы как-то болтали с одной русской писательницей, живущей в Париже, о том, как тяжело нам, мульти-язычным, жить в мире моно-язычных. Она тоже владеет то ли шестью, то ли семью языками, и вот эти постоянные «переключения» с языка на язык создают очень смешные ситуации – иногда ты хочешь что-то сказать в контексте на английском языке французу, только потому, что во французском языке подобного выражения не существует. Мы тогда с ней очень веселились, разговаривая на русском с иностранными вставками. Но сейчас мне было не до веселья. Дэвид играл словами, как жонглер мячиками, и мне требовались серьезные усилия, чтобы не потерять смысл, вкладываемый им в свою речь.

– Я соскучился. Мне плохо, – опять заканючил Тиль мне в ухо, предварительно поплакавшись, какая отвратительная у него жизнь. Знал бы он, какой отвратительный день у нас всех сегодня был, не был бы. Дэвиду памятник надо ставить, что он так умеет вести дела. Я после этих переговоров его очень зауважала.

– Что-то болит? Горло?

– Тошнит. Голова болит. Я не могу. У меня аллергия уже на эти лекарства. Ты завтра приедешь и меня не узнаешь. Я кошмарен. У меня отекло лицо, я покрыт прыщами. Меня всего раздуло, как тогда, зимой. Я не хочу, чтобы ты меня видела.

– Мне все равно, как ты выглядишь, главное, чтобы ты был. Мы завтра приедем...

– Я скучаю... Плохо сплю. Врач говорит, чтобы я не нервничал, чтобы отдыхал, хорошо питался, много спал, а я не могу без тебя спать. У меня бессонница. Я прижмусь к тебе и только тогда мне спокойно и хорошо.

Тиль говорил тихим плаксивым голосом обиженного ребенка, которого злая мамочка оставила ночевать у соседей. Он капризничал. Ныл весь день, писал жалобные смски и всячески давил мне на нервы. Я понимала, что ему элементарно скучно. В туре он всегда был напряжен, много событий, люди, вспышки фотокамер, всегда натянут, как струна, готов ко всему, а сейчас тихая жизнь в затворничестве, нервотрепка с врачами, неизвестность сносили ему крышу напрочь. Хотелось обнять его, прижать к себе и не отпускать. Гладить, ласкать, снимать его боль руками, веселить, смешить.

Дэн сидел рядом. Я знала, что он слушает наш разговор, более того, была уверена, что он знает, о чем мы говорим. Тоже подавленный, расстроенный, хмурый. Это на людях он еще держится и улыбается, а рядом со мной маска спадает и сексапильный плюшевый мачо пре-

вращается в угрюмого молчаливого парня, которого лучше не раздражать пустой болтовней. Я убрала телефон в карман. Вздохнула.

– Что он говорил? – тихо спросил Дэн.

– Да... – протянула расстроено. – Спать решил лечь с горя. Опять накрутил себя. За голос боится. Скучает. На антибиотики у него аллергия. А там побочный эффект, если я правильно понимаю, головные боли и сыпь. К тому же врачи ему толком ничего не говорят. Вот он и напридумывал всякой ерунды. Это потому что один. Был бы кто-то рядом...

Дэн посмотрел на меня внимательно. В его глазах я четко увидела предложение не дожидаться завтра, а валить в Гамбург к брату немедленно.

– Дэн, у меня денег – сто евро. Я не могу заплатить за билет.

– У меня есть.

– Вещи надо отнести к ребятам.

– Да, – кивнул и довольно улыбнулся, протянув мне кредитку. – Закажи билеты, я с ребятами договорюсь.

Через четверть часа я металась по номеру, собирая вещи. Возьму только документы, остальное заберут мальчишки. Такси вот-вот приедет. Несколько секунд смотрела на ноут – нет, не буду брать. Если я его возьму, то будет искушение поработать, а я не хочу сейчас работать, хочу отдохнуть. Все отчеты сделаны, все материалы отправлены, на все письма написаны ответы, потерплю до завтрашнего вечера уж как-нибудь.

– Готова? – вошел Дэн. Он был одет в обычные черные брюки. Дреды спрятаны под нормальной футболкой по размеру и прикрыты арафаткой, сверху облегающий тело теплый джемпер. На голове вязаная шапочка. Вообще другой человек. Красивый такой...

– Ты не бери с собой ничего, я прослежу за твоими вещами, – суетливо осматривал номер Хаген. Я даже его не заметила. – Ключ где? – Забрал у меня карточку.

– Мы выйдем через служебный вход, я договорился. Такси на соседней улице. По идее должны проскочить незамеченными.

– Ты Дэвида предупредил? – Я придирчиво оценивала вишневую помаду на губах. Надо было посветлее что-то, коралловое, например.

– Я ему потом скажу, – улыбался Хаген. – Сделаю вид, что забыл.

– Дэйв меня кастрирует, – скривилась я, поправляя строгое черное платье по фигуре и яркие, веселые бусы. Ноги в удобные разноцветные туфли на высоком каблуке. Прядку за ухо. Повернулась к ребятам, скромно спросила: – Красивая?

– Очень, – выдохнули в один голос.

– На училку похожа, да? – нервно елозила я руками по талии. Поправила прическу – волосы собраны в пучок, но из-за того, что голова чистая, некоторые прядки то и дело норовят выбиться. – И живот вон какой-то появился...

– Не придумывай, – хихикнул Хаген. – Какой живот? Одни кости. Даже подержаться не за что.

– Но, но, но! – погрозила я ему пальцем и рассмеялась.

– Пойдем уже, – поторопил Дэн.

Я схватила палантин и сумку. Черт, выгляжу, как личный помощник руководителя... Хотя рядом с Дэном в брюках смотреться буду ничего.

Действовали мы по той же схеме, по которой в свое время уходили с Тилем от поклонниц в Москве. Сначала вышел Хаген и покрутился перед окнами, привлекая к себе внимание, потом мы спокойным шагом пересекли холл, изображая из себя молодую семейную пару. Затем служащий провел нас к служебному выходу и объяснил, как пройти на другую улицу. Две минуты, и мы уже со смехом плюхнулись на заднее сидение в такси. Ушли.

Все остальное прошло без приключений. Мы получили свои билеты, зарегистрировались, походили по Duty Free, накупив там всякой ерунды, загрузились в самолет и довольные расслабились.

– Мари, прости, это не мое дело, но ты же говорила, когда улетала в свою варварскую страну, что тебе денег должны? Не заплатили? Или русская мафия напала и все отобрала? – ехидно лыбился Дэн.

– С русской бы мафией я договорилась... – хмыкнула я, пробуя сок сомнительного вида на вкус. Поморщилась – слишком синтетический. – Лучше она, чем наша бухгалтерия. Вот где настоящая мафия.

Дэн с серьезной миной вопросительно поднял бровь (совсем как Тиль). Пришлось объяснять.

– Я просила перечислить деньги на карточку, но бухгалтерия отказалась – им возиться не хочется. На руки они мне зарплату выдать не успели, я уехала. Еле договорилась, чтобы деньги забрала Полина и мне переводом прислала. Вот на следующей неделе получит, вышлет. А пока я по нулям вообще. Ужасно неудобно. Плюс должны в начале следующего месяца гонорар перечислить, может быть упадет что-то по мелочи в конце этого месяца. Там сумма хорошая, толку только мало. А здесь пока компания не раскошелилась... В общем, деньги у меня вот-вот будут, а пока надо затянуть пояс. Желательно на горле.

– Почему ты сразу не сказала, что у тебя нет наличных? – стал он неожиданно серьезным. – А на карточке деньги? Ты же почти ничего не тратишь. Квартиру тебе компания оплачивает. Шмоток Тиль столько накупил, что ты, по-моему, и половину еще не носила. Украшения, косметика – тоже не твоя страсть. Еда если только и так, по мелочи...

– А деньги я на той неделе родителям все скинула. Вот всё, что было. Они в Канаде дом купили. Давно еще. Кредит за него выплачивают. Надо было делать какое-то ре-финансирование, банк условия поменял. Пришлось срочно закрывать кредит, а родителям не хватало. Я им все свои сбережения отдала. Иначе у них бы дом отобрали. Я-то рассчитывала, что деньги вот-вот придут, а, видишь, как вышло...

– А нам сказать? Ну как так можно? Мы бы помогли, – проворчал Дэн.

– Вот еще! Я не хочу от вас зависеть. Я хочу быть самостоятельной.

– Это глупо. Ты живешь с мужчиной, он должен о тебе заботиться и тебя содержать. К тому же, если учесть, что ради него ты отказалась от собственной карьеры, оставила дом, то содержать тебя – его святая обязанность.

– Я свои нужды сама обеспечиваю. А обязанность моего мужчины – любить меня, холить и лелеять.

– Я все-таки от тебя в шоке! По всему миру о русских женщинах идет слава, как о самых лучших, домашних и беспроblemных. Что вам приятно заниматься домом, семьей, и никакой карьеры!

– Ты еще предложи мне детей нарожать два десятка, – фыркнула я недовольно. – И Тиллю кислые щи варить с пампушками!

– Не надо его кислым кормить! – хихикнул Дэн.

– Я и не умею. Какая есть. Не нравится, не смотри, – я демонстративно отвернулась от него к черному окну.

Дэн рассмеялся. Он заметно повеселел за эти несколько часов. Шутит, как прежде, ерничает, довольный. Совсем немного осталось. Еще час, и мы будем дома. Через час я увижу Тилля. Мы тихо войдем в квартиру, тихо располземся по комнатам. Я осторожно залезу к нему под бок и нежно обниму. Тиль будет рад. Не надо ни от кого прятаться, зажиматься по углам, можно спокойно общаться без масок, пить по утрам кофе с тостами, вечерами есть пищу с кока-колой. Скоро... Очень скоро...

В аэропорту у меня начала болеть голова. Сначала не сильно – в висках ненавязчиво стучало и покалывало в районе затылка, надо бы выпить таблетку, но таможня, поиск такси, пока Дэн шифруется в тени колонн, времени на это не нашлось. Мы возвращались домой очень возбужденные. Я нервничала, все ли в порядке с Тилем, уж больно он капризничал, жаловался на боли, был каким-то вялым. Дэн окончательно воспрял духом и мечтал о том, как сейчас смое с себя запах гостиницы и залезет спать в собственную кровать под собственное одеяло на собственную подушку, отключив телефон.

Тилиа дома не оказалось. Я растерянно бродила по комнатам и отмечала, что уж кем-кем, а отшельником он не сидел. Пустые банки из-под пива, забитые окурками, чипсы, рассыпанные по полу. В пепельнице разномастные бычки, многие со следами помады. Очень много бычков. Некоторые бокалы тоже с красными отпечатками чужих губ... Я нервно кусала костяшки пальцев, осматривая беспорядок, чувствуя, как внутри все холодеет. Голова болела сильнее. Надо ему доверять. Наверняка приходили друзья и подруги, посидели, выпили, поболтали. Это вовсе не то, что я думаю. Я не буду истеричкой, не закачу ему сцену ревности. В конце концов, мы тоже с ребятами отдыхали и веселились, чем он хуже? Тиль всё объяснит. Я ему доверяю. Просто были друзья. И подруги. Доверяю... Голова болит.

– Ты только не делай скоропалительных выводов, – решил меня подбодрить Дэн. – Может тут были гости. Не мог же Тиль за пару дней столько выкурить. Он бы просто умер от такой дозы никотина. Его бы разорвало в клочья, как хомяка.

– Принеси мне лучше воды. У меня очень болит голова. От постоянной смены часовых поясов и погоды со всеми вытекающими, от меня скоро ничего не останется. – Я порылась в сумке. – Да где же они?

Нервно вытряхнула все на журнальный столик и начала искать лекарство. Ключи от гамбургских квартир. Органайзер. Паспорта. Кредитки. Лак для ногтей. Ручка... Упаковка тампонов. Вторая ручка. Косметичка. Пилочка. Тени. Помада. Салфетки... Диктофон... Щипчики... Да где же?... Ключи от московской квартиры... Конфеты... Жидкость для снятия лака... Ну где? Презерватив... Боже, ну почему в моей сумке всегда такой жуткий бардак? Была бы больше, я б туда еще чего-нибудь запихала! Боль пульсирует в затылке и давит на виски. Даже моргать уже больно. Надо срочно выпить что-то от давления и анальгетик. Вот! Нашла! В кармашке лежали... Скоро стану ходячей аптекой. Дэн принес стакан воды. Я заглотила сразу три таблетки – одну от давления, две от боли и расслабленно упала в кресло. Сейчас все пройдет. Минут через десять-пятнадцать. Это все от нервов. Психую который день. То Фехнер достает, зараза, то Тиль вот... Это просто друзья. Могли же они прийти с подругами? Я доверяю. Я не истеричка.

– Он не берет трубку, – нервно проговорил Дэн.

– Давай рассуждать логично. Он мне сказал, что будет дома, потому что плохо себя чувствует. Если его нет дома, но чувствовал он себя плохо, значит...

– Я матери позвоню, – недовольно зыркнул он на меня.

– Среди ночи?

– А что делать? Вдруг он у нее?

– Привет ей передай и не пугай. Осторожно спроси.

– Не учи, – огрызнулся Дэн, сморщившись.

Пока Дэн звонил Шарлотте, я набрала номер нашего консьержа. Если Тиль уехал, то он должен был видеть его машину, «Неотложку», такси. Герр Отто сказал, что за Тилем никто не приезжал. Он вышел одетый и куда-то ушел пешком часов в девять. По крайней мере, герр Отто чужую машину во двор не впускал и его тачку со двора не выпускал. При этом на первый взгляд ничто не выдавало в Тиле больного – он был весел, бодр и с кем-то трепался по телефону. Фигня какая-то... Он же в восемь вечера буквально умирал! Ничего не понимаю. А гости были, да. Ребята и девушки. Вчера и сегодня. Прошлой ночью шумели сильно, жильцы жаловались.

Я помассировала виски. Тиль почти постоянно был на связи, почему он ничего не сказал про гостей?

– Мама говорит, что разговаривала с ним около семи, он собирался лечь спать пораньше. Сказал, что плохо себя чувствует... – растерянно пробормотал Дэн.

– Они тут сутки весьма активно зажигали, человек пять, – не менее растерянно отозвалась я.

– А почему не сказал? Мы же постоянно созванивались, он же ныл, что от скуки готов на стены лезть...

– Ты у меня спрашиваешь? Кто тут у нас психопат? В смысле телепат... Зато после нашего последнего разговора умирающий Тиль собрался и куда-то свалил абсолютно здоровый.

– И до сих пор не вернулся? – постучал ногтем по циферблату, показывая время. – Пол-четвертого.

– Главное, что он не берет трубку...

Дэн сел на диван и уставился в одну точку.

– Что делать? – спросил отсутствующим голосом.

– Звонить вашим друзьям, с кем он тут мог пьянствовать? Потом в полицию, больницы... Может, с ним что-то случилось? Может на него напали и избили? Ограбили? Может он попал в ДТП?

– Слушай, Мари, ну что за дурь лезет тебе в голову? – фыркнул он зло. – Может он с девушкой... – И осекся, испуганно покосившись на меня.

Я ревниво поджала губы.

– Тогда надо заранее узнать телефон морга! – припечатала недовольно.

Дэн хохотнул. И ушел на кухню. Да, я бы тоже что-нибудь съела.

Примерно в половине пятого, когда мы с Дэном наметили план дальнейших действий, в дверь позвонили. Это было вдвойне странно, потому что мы сидели на кухне с едва заметной подсветкой от вытяжки и закрытыми жалюзи, со стороны улицы или двора света из окна просто не должно быть видно. Кто может звонить в такую пору, если Тиль не знает, что мы вернулись? Дэн, как самый смелый, пошел открывать. Я бесстрашно прикрывала его спину.

На пороге стоял Тиль. Нет, не стоял. Висел. Пытался стоять, но больше висел. На девушке. Оба пьяные настолько, что даже сфокусироваться не могут на нас. Девушка получше. Тиль вообще никакой.

– Здрасти, – промолвила красавица, смело заходя в квартиру. За ней кое-как втек Тиль.

Мы с Дэном с недоумением пялились на гостью и ее спутника.

– Тилли немного перебрал, – заплетающимся языком сообщила девушка. При этом Тиль предпринял попытку распрямиться и пьяно полез к ней целоваться. Она встряхнула его: – Тилли, любовь моя, тут же люди!

– Ааа, – вскинул кудлатую голову Тиль и уставился на нас, явно пытаясь понять, кто перед ним стоит. – Аааа, – махнул рукой. – Это не люди...

Он постарался отцепиться от девушки. Распрямился. Ноги все равно разъезжаются, как на коньках. Его повело в сторону. Тиль схватился за стену и замер, вода в воздухе пальцем, указывая примерно в сторону Дэна.

– Это мой брат... Ну типа брат... Ну... Как бы тебе объяснить? В общем он старше меня на десять минут... Но я все равно первый.

Дэн недовольно причмокнул и закатил глаза.

Я стояла и не знала, что делать. Рассматривала девушку. Симпатичная. Волосы рыжие, кучерявые, до плеч. Глаза серые, небольшие. Нос уточкой. Губы тонкие. Одета очень стильно и дорого. Хорошая фигура. Девушка в свою очередь пыталась удержать равновесие, поглядывала в мою сторону. Раздражал ее постоянный скулеж и противное: «Тилли, любовь моя!» Какой он тебе Тилли, дура!

– А это... – вдруг обнаружил меня мой неменяемый принц.

– Да? Кто это? – вякнула гостя.

Я заинтересованно склонила голову, надевая на лицо улыбку. Да, кто я? Удивлял его взгляд – холодный, колкий, с примесью гневной ненависти. Сейчас какую-то гадость отмочит.

– А это... Это так... Наша группис... Знаешь, кто такие группис?.. Не?.. Ну, это бляди, которых мы ебем, о! Кто попросит, тому и дает, да? Всем дает, да? Содержанка это... И группис... которых мы ебем...

Это была не гадость. И даже не удар под дых. Это было даже болезненнее сильнейшего удара по яйцам, как его описывают парни. В груди словно внезапно открылся вакуумный насос, который одним махом собрал все и всосал в себя, вырывая с мясом внутренности, ломая кости, оставляя лишь безвольную оболочку из кожи, которая каким-то образом застыла в прежней форме. Меня как будто изнутри выскребли ледяным скребком и набили кубиками льда, отчего руки мелко и противно задрожали. Какой-то чудом сохранившийся кусочек мозга велел мне улыбаться. Я всегда улыбаюсь, когда мне больно. Так приучила меня жизнь. Так в крови, которой больше нет. Которая застыла. Свернулась. Превратилась в лед и рассыпалась в грубых руках. Я улыбнулась шире прежнего, аж губам стало больно, а мышцы начало сводить.

– Да, я такая, – сказала кокетливо. Голос выдает. Дрожит. Но глаза сухие. Не дожدهшься. – Видели, глазки, что брали, теперь жрите.

Ошарашенный словами брата Дэн отмер.

Я почувствовала, как между близнецами прошел огромный разряд тока.

Шаг.

Короткий замах руки.

Тиль летит в комнату. Сбивает стол, на котором разбросаны мои вещи.

Дэн тигром кидается на него.

– Дэн! – едва успеваю повиснуть у него на шее. Убьет! Или покалечит! Но точно изобьет сейчас сильно. – Дэн, – шепчу я. И голос срывается, дрожит сильнее. Тело трясет, как в лихорадке. Он крепко прижимает меня к себе, зарывается носом в волосы и быстро говорит на ухо:

– Не смей реветь, слышишь! Иди к себе сегодня. Я тут разберусь. А завтра все будет хорошо, слышишь? Завтра все будет хорошо. Ты мне веришь?

Я кивнула, кое-как сдерживая слезы.

– Прости его. Он сам не понимает, что говорит, слышишь? Иди к себе, хорошо? Ложись спать, ладно? Иди... Завтра. Всё. Будет. Хорошо. Ты мне веришь? Иди.

Дэн отлепил меня от себя. Тиль неменяемым взглядом рассматривал гостиную и что-то пытался сказать. Я сгребла свои вещи обратно в сумку, схватила ключи и выбежала из квартиры. В голове эхом звучало: «Содержанка... Это бляди, которых мы ебем...»

Глава 5

Дрожащие руки долго не могли открыть дверь. Ноги подкашивались. Я прислонилась к стене и сделала глубокий вдох, медленный выдох. Надо успокоиться. Просто успокоиться. Меня трясло. Трясло так, что челюсть сводило и в груди все крутило, словно включили огромные лопасти. Дышать больно. Стоять трудно. Жить невозможно. Сползла на коврик под дверь, с горем пополам прикурила. Легкие наполнились дымом. Больно. Будто в горле кактус застрял, чувствую, как его иголки раздирают гортань, и ничего не могу с этим поделать. Первый раз в жизни руки дрожат настолько сильно. Да и саму трясет. Может тут где-то источник тока? Не может так трясти тело... Вдох. Медленный выдох. В голове пусто. Лишь два слова перебиваются всеми цветами радуги – содержанка и блядь. Затягиваюсь так, что давлюсь дымом, обжигаю губы. Так плохо, что даже плакать не могу. Хочу, но не могу. Кое-как встаю. Пробую еще раз открыть дверь. Вроде бы получается.

Вваливаюсь в квартиру, словно пьяная. Включаю везде свет. Осматриваюсь. Я почти тут не живу. Тиль сам нашел эту квартиру, сам договорился, сам обустраивал. Он хотел, чтобы мне было уютно в его стране. Он сделал все, чтобы мне хотелось возвращаться сюда. И я с удовольствием возвращалась. Только не жила тут, жила у него и с ним. Но у меня была моя квартира, маленькая, уютная, продуманная до мелочей, куда я всегда могла сбежать от него, побыть одна, поработать, спрятаться. Тиль запретил мне привозить из России свои вещи, кроме самых любимых. Он заказал и купил все сам, одев меня с ног до головы. Даже расчески, резинки для волос и предметы гигиены купил мне он. Он хотел, чтобы у меня всё было, как дома, будто бы я никогда отсюда и не уезжала, будто бы всегда тут жила, а не просто первый раз переступила порог неизвестного мне места. А сейчас я смотрела на все эти подушки на диване, на плед, которым мы укрывались, на музыкальный центр, цветы на окнах, на полки с обувью и вешалки с одеждой, которые видны за приоткрытой дверью в гардеробную, смотрела на фигурки в серванте и вазочки, фильмотеку, которую он подбирал для меня... Он подарил мне новую жизнь. Жизнь, в которой есть только он и никого другого. Он купил мне новую жизнь. Он не хотел, чтобы в моей жизни присутствовали другие, чтобы я взяла что-то из прошлого. Только он. С чистого листа. Это не моя жизнь. Здесь нет ничего моего. Здесь всё куплено им. Даже пепельницы... Даже эти бусы... Я дернула их с себя. Улыбнулась, глядя, как бусины, подпрыгивая, разлетаются по полу. Содержанка. А ведь он прав. Я – содержанка. Блядь, которую купили. В принца поверила? Принцессой себя вообразила? Такая большая...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.